

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Валентин Катаев
**БЕЛЕЕТ ПАРУС
ОДИНОКИЙ**

Школьная библиотека (Детская литература)

Валентин Катаев

Белеет парус одинокий

Издательство «Детская литература»

1936

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Катаев В. П.

Белеет парус одинокий / В. П. Катаев — Издательство «Детская литература», 1936 — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-005130-2

Повесть «Белеет парус одинокий» переносит читателя в Одессу начала XX века, в самую бурю событий первой русской революции. Герои повести Петя и Гаврик – обыкновенные одесские мальчишки, с которыми на страницах книги происходит немало разных, необычных и важных, серьезных и веселых приключений. Повесть включена в перечень «100 книг по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации, рекомендуемых школьникам к самостоятельному прочтению». Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005130-2

© Катаев В. П., 1936
© Издательство «Детская литература», 1936

Содержание

Честь смолоду[1]	7
Белеет парус одинокий	12
I. Прощанье	13
II. Море	19
III. В степи	23
IV. Водопой	27
V. Беглец	31
VI. Пароход «Тургенев»	35
VII. Фотографическая карточка	39
VIII. «Человек за бортом!»	46
IX. В Одессе ночью	50
X. Дома	54
XI. Гаврик	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Валентин Катаев

Белеет парус одинокий

© Катаев В. П., наследники, 1936

© Мотяшов И. П., вступительная статья, 1979

© Горяев В. Н., наследники, иллюстрации, 1951

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2016

* * *

Чалдыкабаев.

1897—1986

Честь смолоду¹

Судьбы книг, как и судьбы людей, читаются с конца, проверяются временем.

Когда появилась повесть В. Катаева «Белеет парус одинокий», о ней много говорили, писали, спорили. Но, конечно, никто бы не мог тогда наверняка сказать, что книге этой суждено будет стать этапной для отечественной детской литературы. Что и десятилетия спустя юные и взрослые читатели во всем мире будут по этой книге представлять революцию 1905 года и людей, революцию совершивших и ею рожденных.

Мало сказать, что эта книга выдержала проверку временем. Она сделалась принадлежностью нашей духовной среды. Она не просто ценное достояние народной культуры, а неотъемлемая часть нашего образа жизни. Незабываемо яркий и глубоко поучительный художественно-образный мир этого произведения принадлежит к тем замечательным явлениям духа, которые объединяют всех нас в большую дружную семью. Каждый член этой семьи видел окружающее глазами катаевских Пети и Гаврика.

Как мы в годы детства и юности, так и вы, сегодняшние мальчишки и девчонки, легко и счастливо подпадаете под обаяние этой повести, будучи невольными участниками описанных в ней событий. Ее герои становятся вашими личными друзьями и недругами. И хотя времена, о которых рассказано, все дальше отодвигаются в прошлое, никакой «хрестоматийный глянец» не отделяет это произведение от наших дней. Читая и перечитывая его, вы не можете думать только о прошлом. Вы непременно будете думать и о жизни вообще, о днях нынешних, о своих сверстниках и о себе, о смысле своего существования на земле.

Таково свойство всякого настоящего, большого искусства.

Повесть «Белеет парус одинокий» имеет четкие хронологические рамки. Мы можем назвать не только год, но и месяц, когда начинается действие и когда оно заканчивается. Мы можем, порой с точностью до одного дня, сказать, когда происходило то или другое описанное автором событие.

Секрет нестареющей актуальности этого произведения, однако, в том, что изображенное в нем время не застывает в границах дат. Оно движется, неудержимо вырывается из сюжетных берегов. Оно ощутимо буквально физически, как течение великой реки. За дальностью горизонта мы не видим всей реки, но знаем: у нее есть исток и есть устье. У времени, изображенного в повести В. Катаева, есть прошлое и есть будущее.

Обычно мы делим время на «свое» и историческое. «Свое» – это когда живем мы сами. Историческое – то, что было раньше, до нашего рождения. «Свое» время человек знает как бы без посторонней помощи. Хотя и это, конечно, иллюзия. Сами мы можем знать только про себя, да и то не всё, поскольку и познать себя нам помогают искусство, литература, наука, окружающие люди. Время же историческое мы узнаём только «из вторых рук», больше всего из книг.

Но время едино. То, что сегодня является настоящим, завтра станет историей. Время, «свое» для одних людей, для других, даже живущих рядом с первыми, является историческим. История творится на наших глазах. Мы сами – часть истории. И чтобы понять это и почувствовать себя звеном исторической цепи, человек должен перешагнуть грань между «своим» и историческим временем. Одна из книг, которые особенно успешно нам в этом помогают, – «Белеет парус одинокий» В. Катаева.

Каждый, кто прочитал эту повесть, пережил ощущение захватывающего дух путешествия в машине времени в Одессу начала XX века. Навсегда остаются в нашей памяти – будто и

---

¹ Статья печатается с сокращениями и изменениями.

впрямь мы сами там были – и пропахший свежей рыбой, сверкающий всеми красками моря и поющий всеми оттенками южной русской речи одесский рынок – привоз; и полуденный зной улиц, обсаженных усыхающими акациями; и увеселительные пасхальные балаганы на пустыре, громко именуемом Куликовым полем; и утренние крики бродячих торговцев; и напоенный терпкими степными запахами воздух экономии; и пылящий проселок среди виноградников, и море...

У моря начинается, возле моря заканчивается действие катаевской повести. Ощущением моря, его близости и беспредельности напоена вся книга. И лермонтовская строка, ставшая заглавием повести, властно напоминает о море – о солнечном штиле и о предчувствии бури.

У прочитавшего повесть остается в душе ощущение праздника. Праздника удивительной встречи с ярким, залитым ослепительным южным солнцем, исполненным жизни, калейдоскопически пестрым и изменчивым миром. И, лишь оглядываясь на прочитанное, мы вспоминаем, что в мире этом отнюдь не все было праздничным. Что была в нем и нищета трудового люда, и отчаяние обездоленных, и сытая злоба мешан, и грозный пороховой дым восстания, и человеческая кровь, и смерть, и первые успехи в ожесточенной борьбе.

Есть великий нравственный смысл в том, что социальная несправедливость, от которой страдает семья Гаврика Черноиваненко, стреляется солдат-часовой возле ворот казармы, бунтует батрак Гаврила на экономии Рудольфа Карловича, поднимают восстание матросы «Потёмкина» и сражаются с казаками рабочие Одессы, – что различные и многочисленные проявления этой несправедливости и борьбы с ней, показанные в повести, не притупляют пронизывающего книгу чувства радости жизни, не заглушают мощно звучащей в ней оптимистической ноты.

Дело не только в том, что так писатель выражает общую историческую закономерность конечного торжества добра над злом. Повесть написана с той высшей позиции, с которой само бытие человека, его жизнь на земле, его способность видеть, слышать, осязать, обонять, пробовать на вкус этот мир, познавать и изменять его осознается как главная ценность. Жизнь прекрасна в своей сути, независимо ни от чего. Она и только она – колыбель и источник человеческого счастья. Именно к человеку, понявшему это, приходит зоркость души, позволяющая ощутить любое проявление социальной несправедливости как вопиющую дисгармонию. И тогда рождается неукротимое стремление сделать мир еще более прекрасным и совершенным. Не пожалеть сил и даже самой жизни ради такого преобразования мира.

История литературы знает немало книг, которые были написаны с позиций ненависти к миру собственников, к злодеяниям действительности. Такие книги играли свою роль, когда надо было поднимать людей на революцию, на гражданскую войну, на войну с захватчиками. Но книга не может остаться надолго, если она написана с позиций ненависти, пусть и самой справедливой, священной ненависти.

В повести В. Катаева также есть ненависть – к филёрам (сыщикам) охранки, к погромщикам, к мадам Стороженко и ей подобным. Но эта ненависть – производное от любви. От великой любви к жизни, к миру природы, к человеку как разумному существу, к тем возможностям совершенства и счастья, которые в человеке заложены. Потому-то и живут сегодня эти книги, что одухотворены любовью.

Сама эта любовь дается нам изначально, как мощный физический импульс. Никто не приходит в мир с ненавистью и разочарованием. Но каждый ребенок появляется на свет очарованным жизнью, с единственным желанием любить ее и радоваться ей. Собственно, из этого очарования и возникают все наши мечты о счастье, о достойной, справедливой, прекрасной жизни. И рождаются все сказки, как предчувствие осуществления этих мечтаний.

Вот почему определяющей в повести В. Катаева является не «взрослая», а именно «детская» точка зрения, хотя мы отчетливо слышим в ней авторский голос – голос человека, который с высоты прожитых лет и опыта восхищается и даже несколько умиляется чистотой, наив-

ной мудростью и красотой детства. В книге главенствует мироощущение Пети и Гаврика. Несмотря на то что речь о ребятах идет в третьем лице, действительность увидена их глазами. И такой она видится читателю.

Разумеется, у Пети в его восемь с половиной лет есть свои печали и огорчения. Но это именно его, «детские» печали. Как, например, грусть, навеянная предстоящим расставанием с экономией, где прошло такое прекрасное лето. От близкой и неизбежной разлуки, о которой властно напоминает пронзительный звук трубы дилижанса, у Пети щемит сердце, и все знакомое, привычное, за исключением, пожалуй, моря, кажется уже иным, покрытым налетом отчуждения. С сожалением вспоминает герой о самом замечательном событии лета – празднике, который устроил хозяин экономии для дачников в день рождения своей супруги Луизы Францевны. Это ощущение «чудесного праздника» не исчезает даже при воспоминании о том, как подвыпивший батрак Гаврила «ругался страшными словами» на хозяина и грозился спалить имение, где его так бесовестно обсчитали.

Вообще мы видим, что поначалу все грозные, страшные или попросту непонятные Пете события, нарушающие царящую в душе мальчика гармонию, воспринимаются героем не совсем такими, каковы они в действительности, а как бы через призму тех сказочно-литературных представлений о добре и зле, какие к восьми годам сложились в его голове.

Слова кучера дилижанса о том, что рыщущие по степи солдаты ловят беглого матроса-потёмкинца, который, по слухам, спалил экономию помещика Балабанова, вызывают у Пети совершенно определенные ассоциации. «Может быть, этот страшный разбойник нападает на дилижансы?» И мальчик предусмотрительно прячет подальше свои сокровища: коллекции морских игл, ракушек, крабов, жуков и бабочек, засовывая их под скамейку дилижанса, «поближе к стенке».

Когда в дилижанс на ходу впрыгивает «коренастый человек с молодым, бледным от испуга лицом и карими не то веселыми, не то насмерть испуганными глазами», Петя хотя и замечает все детали в поведении отца и доверчиво ищущего спасения коренастого, но не придает этим успокаивающим, нестрашным деталям никакого значения. «Страшная мысль» о беглом матросе по-прежнему целиком владеет Петей. К ужасу своему, он видит прежде всего подтверждения этой мысли: якорь-татуировку на руке и то, как коренастый «полез под скамейку, прямо туда, где были спрятаны коллекции». Даже после исчезновения матроса, не нанесшего ни дилижансу, ни его пассажирам никакого вреда, Петя в тревоге заглядывает под скамейку, не веря, что его богатства не подверглись разграблению.

Однако уже в этой характерной для повести сцене поведение юного героя двойственно. Оно искажено непониманием истинной природы событий (нелепый страх перед хорошим человеком), но в то же время и созвучно этим событиям (невольная симпатия мальчика беглецу, оппозиция стражникам, молчаливое участие в сопротивлении властям, действия которых несправедливы). До активного сочувствия революционерам и до понимания причин социальной борьбы пока еще очень далеко. Но в этом и проявляется художник-реалист. Он не торопит события. Он показывает, как они развиваются в действительности. Как непросто мальчик из социально благополучной учительской семьи идет к пониманию происходящих на его глазах исторических событий, к определению своей позиции в мире, расколотом классовыми противоречиями.

Этот путь тем более непрост, что Петино гражданское сознание строится на фундаменте гармонически счастливого мироощущения, на незыблемом исходном убеждении в том, что мир прекрасен. Даже и после того, как Пете, по словам автора, станет «совершенно ясно, что жизнь вовсе не такая веселая, приятная, беззаботная вещь, какой казалась еще совсем-совсем недавно», до полной ясности в Петиной голове будет еще далеко.

Впрочем, повесть и не показывает превращение мальчика во взрослого революционера. События, в ней описанные, охватывают меньше года. Из пригостишки герой стал гимнази-

стом-первоклассником. О том, что Пете еще не скоро суждено расстаться с детством, лучше всего говорят драматические перипетии его судьбы, связанные с увлечением игрой в ушки. Но детски беспомощные Петины попытки найти выход из сложной ситуации не только усугубляют его положение проигравшегося и запутавшегося во лжи человека. Они же и оттеняют, словно по контрасту, стремительный скачок, происходящий в гражданском сознании героя.

Странный, в чем-то противоречивый, но тем не менее единый мир все отчетливее раскалывается в глазах мальчика на две противоположные, непримиримо враждующие половины. С одной стороны – отец, тетя, Гаврик, его старший брат и дедушка, матрос Родион Жуков с мятежного «Потёмкина», хозяин тира Иосиф Карлович, рабочие железнодорожных мастерских, батраки с экономии, рыбаки, боевики-партийцы. С другой – хозяин экономии, земский начальник Чувяков, рыночная торговка мадам Стороженко, усатый филёр, жандармы, погромщики, казаки...

Новый, расколотый мир требует от Пети, чтобы он четко определил свои симпатии и антипатии, побуждает к осознанному участию в борьбе. Вспомним, что почувствовал Петя, когда ему одному, без Гаврика, пришлось пробираться с запасом пуль к восставшим. До этого ему было куда легче: он во всем полагался на Гаврика, «ловкого и опытного», безоговорочно признанного им за старшего. «Теперь мальчик был совершенно один. Он мог рассчитывать только на самого себя и ни на кого больше».

Вот когда сознание Пети поднимается на новую, более высокую ступеньку. Чувство ответственности за свои поступки, необходимость принимать решение и действовать самому, словно порыв сильного ветра, сдувают в сознании героя остаточный налет игры, опереточности с тех фактов классовой борьбы, которым Петя был невольным свидетелем.

Как точка под прежним двойственным, во многом еще детским восприятием действительности возникает в повести неподвижное тело и лицо человека, лежащего поперек комнаты среди пустых обоев и гильз, неправдоподобно спокойное среди суесящихся, отстреливающихся людей. «Петя посмотрел на этого человека и вдруг понял, что это – труп», – говорится в повести.

Это «вдруг» – мгновенный, но месяцами готовившийся переход от детского, легкомысленно-игрового, к взаправдашнему, серьезному, отчасти уже взрослому. Мальчик понимает: борьба идет не шутейная, не на жизнь, а на смерть.

И когда вскоре Петя становится очевидцем героической гибели под казачьими шашками бывшего хозяина тира, прижимающего к груди красный флаг, когда сам он во время погрома бросается на защиту отца со словами: «Не бейте его, это наш папа!.. Вы не имеете права! Дураки!» – и чувствует, что «в эту минуту он готов был умереть, лишь бы папу больше не смели трогать», – это воспринимается читателем как закономерное проявление уже сложившейся и определенной гражданской позиции юного героя.

Если Петя идет к пониманию окружающей действительности с трудом, словно сквозь частый и колючий кустарник, прорываясь через детскую наивность и неведение, усиленное предрассудками мелкобуржуазной среды, то его приятелю Гаврику классовое размежевание мира открыто как бы с рождения. Нищий сирота, вынужденный с малолетства нелегким рыбацким трудом добывать сбой хлеб, Гаврик – органическая частица революционного класса.

За тот год, что описан в повести, дружба мальчиков проходит путь не менее сложный, чем сам Петя. Вначале это и не дружба даже в высоком понимании этого слова, а скорее приятельство двух мальчишек, в котором каждая из сторон снисходительно относится к недостаткам другой стороны. Мальчики часто бывают вместе, играют в одни игры, но мы все время видим, как они внутренне да и внешне отстоят друг от друга.

Петя одет чисто и аккуратно – Гаврик оборван. Петя сыт – Гаврик почти всегда голоден. Петю учили – Гаврик неграмотен. Зато он более самостоятелен, прекрасно ориентируется в

городе и лучше знает жизнь, что дает ему право относиться к своему товарищу покровительственно, командовать им.

Развитие событий приводит, однако, к тому, что между Гавриком и Петей намечается действительное сближение, причем идут навстречу друг другу обе стороны. Петя перенимает жизненный опыт Гаврика, его взгляд на вещи, его понимание происходящего. Гаврик же, может и неосознанно, тянется к Петиной духовности, к тому чувству красоты мира и искусства, которое особенно ярко проявляется у Пети в его разговорах с Мотей, племянницей Гаврика.

Последнее событие в сюжете повести – побег из тюрьмы большевика Родиона Жукова и его уход в эмиграцию на Гавриковой шаланде. Но повесть на этом не кончается. И не случайно. Ее заключает эпизод, казалось бы не имеющий к сюжету никакого отношения, но играющий большую роль для понимания смысла всей вещи. Герой этого эпизода – художник, рисующий на берегу как раз в тот час и в том месте, где юные герои расстаются с Родионом. Художник рисует этюд. Восхищенные Петя, Гаврик и Мотя видят, как он последним мазком наносит на законченный пейзаж маленькую белую точку – парус шаланды, увозящей на свободу и на революционную борьбу их старшего друга.

«Теперь, – сказано в повести, – нарисованное море невозможно было отличить от настоящего. Всё – как там. Даже парус.

И дети, тихонько толкая друг друга локтями, долго смотрели то на картину, то на настоящее, очень широко открытое море, в туманной голубизне которого таял маленький парус дедушкиной шаланды, легкий и воздушный, как чайка.

...Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!»

Этими словами завершается замечательная катаевская повесть.

Есть глубокий резон в том, что повесть названа, инструментована и заканчивается словами стихотворения, написанного семнадцатилетним Лермонтовым спустя всего шесть с половиной лет после восстания декабристов. Отголосок этого гордого и горького события русской истории современники поэта слышали уже в первой строке: «Белеет парус одинокий...» Ведь эти три слова – цитата из поэмы декабриста А. А. Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переяславский». В столь явственной переключке легко угадывался политический смысл «пейзажного» лермонтовского стихотворения.

Настойчиво обращая мысль читателя к лермонтовскому «Парусу», Катаев как бы напоминает, что мятежный дух революционности связывает его героев – восставших матросов броненосца «Потёмкин», одесских рабочих-большевиков – с первой, дворянской, волной русской революции. История облекается в плоть, обретает начало и продолжение. А искусство – в данном случае поэзия («Парус»), живопись (этиюд безымянного художника), художественная проза (сама катаевская повесть) – выступает как живой, остро чувствующий нерв, связующий времена.

Так замыкается круг катаевской повести. На ее последней странице море, природа, жизнь так же прекрасны, как и в утро отъезда Пети из экономии. Но теперь, помимо Пети, к этой красоте приобщены и Мотя с Гавриком. То, что на первых страницах Петя чувствовал сам, один, теперь ощущают трое ребят, ощущают вместе. И что самое важное: в их чувство радости бытия вливается ощущение величия и красоты борьбы за то, чтобы мир стал еще чудеснее.

И. Мотяшов

Белеет парус одинокий

Повесть

Посвящается Эстер Катаевой

І. Прощанье

Часов около пяти утра на скотном дворе экономии² раздался звук трубы.

Звук этот, раздирающе-пронзительный и как бы расщепленный на множество музыкальных волокон, протянулся сквозь абрикосовый сад, вылетел в пустую степь, к морю, и долго и печально отдавался в обрывах раскатами постепенно утихающего эха.

Это был первый сигнал к отправлению дилижанса.

Все было кончено. Наступил горький час прощанья.

Собственно говоря, прощаться было не с кем. Немногочисленные дачники, испуганные событиями, стали разъезжаться в середине лета.

Сейчас из приезжих на ферме осталась только семья одесского учителя, по фамилии Бачей, – отец и два мальчика: трех с половиной и восьми с половиной лет. Старшего звали Петя, а младшего – Павлик. Но и они покидали сегодня дачу.

Это для них трубила труба, для них выводили из конюшни больших вороных коней.

Петя проснулся задолго до трубы. Он спал тревожно. Его разбудило чириканье птиц. Он оделся и вышел на воздух.

Сад, степь, двор – все было в холодной тени. Солнце всходило из моря, но высокий обрыв еще заслонял его.

На Пете был городской праздничный костюм, из которого он за лето сильно вырос, – шерстяная синяя матроска с пристроченными вдоль по воротнику белыми тесемками, короткие штанишки, длинные фильдекосовые³ чулки, башмаки на пуговицах и круглая соломенная шляпа с большими полями.

Поеживаясь от холода, Петя медленно обошел экономию, прощаясь со всеми местами и местечками, где он так славно проводил лето.

Все лето Петя пробегал почти нагишом. Он загорел, как индеец, привык ходить босиком по колючкам, купался три раза в день. На берегу он обмазывался с ног до головы красной морской глиной, выцарапывая на груди узоры, отчего и впрямь становился похож на краснокожего, особенно если втыкал в вихры сине-голубые перья тех удивительно красивых, совсем сказочных птиц, которые вили гнезда в обрывах.

И теперь, после всего этого приволья, после всей этой свободы, – ходить в тесной шерстяной матроске, в кусающихся чулках, в неудобных ботинках, в большой соломенной шляпе, резинка которой натирает уши и давит горло!..

Петя снял шляпу и забросил ее за плечи. Теперь она болталась за спиной, как корзина.

Две толстые утки прошли, оживленно калякая, с презрением взглянув на разодетого мальчика, как на чужого, и нырнули одна за другой под забор.

Была ли это демонстрация или они действительно не узнали его, но только Пете вдруг стало до того тяжело и грустно, что он готов был заплакать.

Он всей душой почувствовал себя совершенно чужим в этом холодном и пустынном мире раннего утра. Даже яма в углу огорода – чудесная глубокая яма, на дне которой так интересно и так таинственно было печь на костре картошку, – и та показалась до странности чужой, незнакомой.

Солнце поднималось все выше.

---

² *Экономия* – в дореволюционной России крупное имение, оборудованное и снабженное всем нужным для ведения организованного хозяйства.

³ *Фильдекосовый* – то есть из фильдекоса, гладкой хлопчатобумажной пряжи, имеющей вид шелка и идущей на изготовление трикотажных изделий.

Хотя двор и сад всё еще были в тени, но уже ранние лучи ярко и холодно золотили розовые, желтые и голубые тыквы, разложенные на камышовой крыше той мазанки⁴, где жили сторожа.

Заспанная кухарка в клетчатой домотканой юбке и холщовой сорочке, вышитой черными и красными крестиками, с железным гребешком в неприбранных волосах выколачивала из самовара о порог вчерашние уголья.

Петя постоял перед кухаркой, глядя, как прыгают бусы на ее старой, морщинистой шее.

– Уезжаете? – спросила она равнодушно.

– Уезжаем, – ответил мальчик дрогнувшим голосом.

– В час добрый.

Она отошла к водовозной бочке, завернула руку в подол клетчатой понёвы⁵ и отбила чоб⁶.

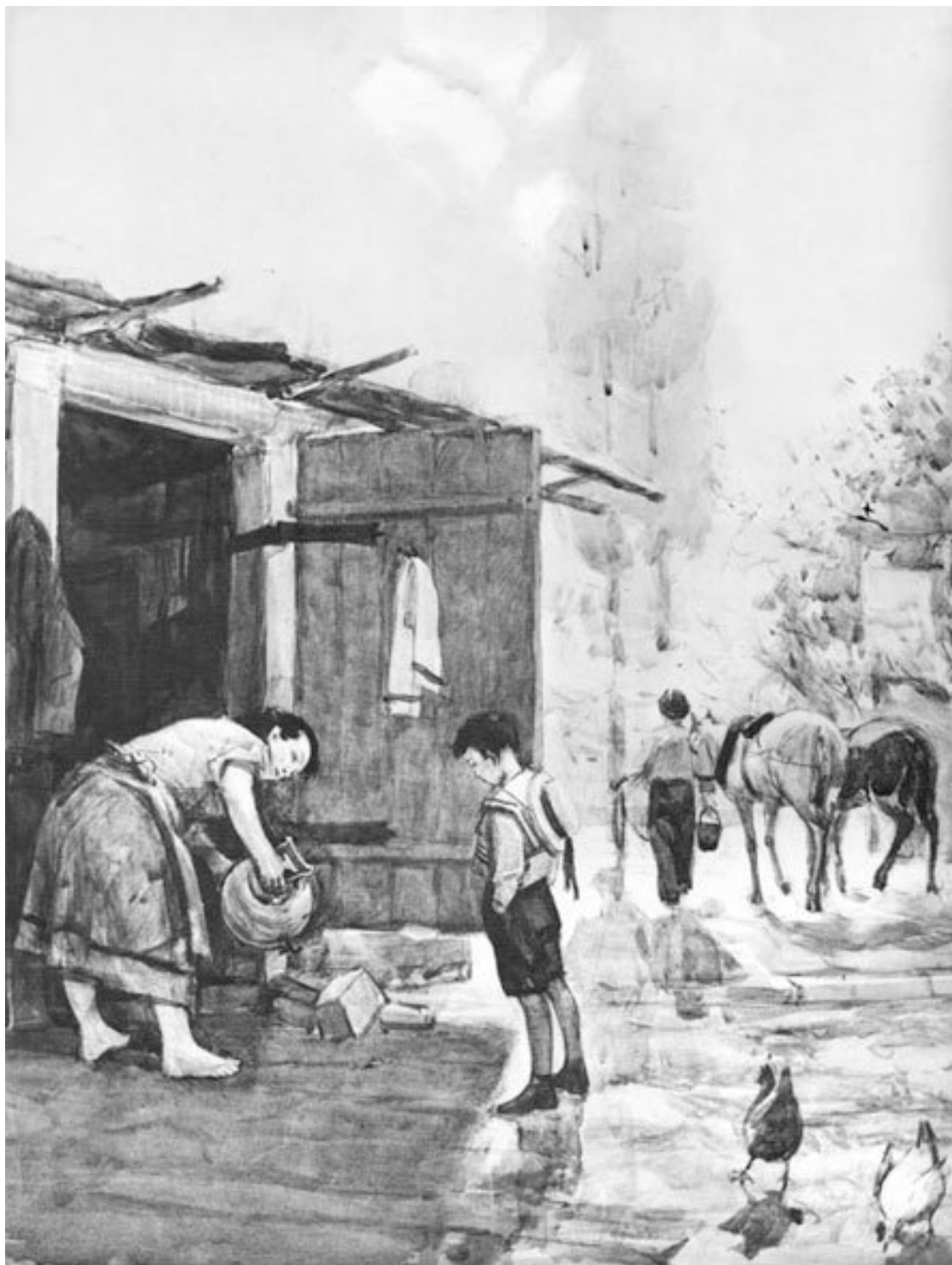
Толстая струя ударила дугой в землю. По земле покатались круглые сверкающие капли, заворачиваясь в серый порошок пыли.

---

⁴ *Мазанка* – дом из глины, сырцового кирпича или дерева, обмазанного глиной.

⁵ *Понёва* – домотканая запашная шерстяная юбка.

⁶ *Чоб* – затычка в бочке.

Кухарка подставила самовар под струю. Самовар занял, наполняясь свежей тяжелой водой.

Нет, положительно ни в ком не было сочувствия!

На крокетной площадке, на лужайке, в беседке – всюду та же неприязненная тишина, то же безлюдье.

А ведь как весело, как празднично было здесь совсем недавно! Сколько хорошеньких девочек и озорных мальчишек! Сколько проказ, скандалов, игр, драк, ссор, примирений, поцелуев, дружб!

Какой замечательный праздник устроил хозяин экономии Рудольф Карлович для дачников в день рождения своей супруги Луизы Францевны!

Петя никогда не забудет этого праздника.

Утром под абрикосами был накрыт громадный стол, уставленный букетами полевых цветов. Середину его занимал сдобный крендель величиной с велосипед.

Тридцать пять горящих свечей, воткнутых в пышное тесто, густо посыпанное сахарной пудрой, обозначали число лет рожденницы.

Все дачники были приглашены под абрикосы к утреннему чаю.

День, начавшийся так торжественно, продолжался в том же духе и закончился детским костюмированным вечером с музыкой и фейерверком.

Все дети надели заранее сшитые маскарадные костюмы. Девочки превратились в русалок и цыганок, а мальчики – в индейцев, разбойников, китайских мандаринов⁷, матросов. У всех были прекрасные, яркие, разноцветные коленкоровые⁸ или бумажные костюмы.

Шумела папиросная бумага юбочек и плащей, качались на проволочных стеблях искусственные розы, струились шелковые ленты бубна.

Но самый лучший костюм – конечно, конечно же! – был у Пети. Отец собственноручно мастерил его два дня, то и дело роняя пенсне. Он близоруко опрокидывал гуммиарабик⁹, бормотал в бороду страшные проклятья по адресу устроителей «этого безобразия» и вообще всячески выражал свое отвращение к «глупейшей затее».

Но, конечно, он хитрил. Он просто-напросто боялся, что костюм выйдет плохой, боялся осрамиться. Как он старался! Но зато и костюм – что бы там ни говорили! – получился замечательный.

Это были настоящие рыцарские доспехи, искусно выклеенные из золотой и серебряной елочной бумаги, натянутой на проволочный каркас. Шлем, украшенный пышным султаном¹⁰, выглядел совершенно так же, как у рыцарей Вальтера Скотта¹¹. Даже забрало поднималось и опускалось.

Все это было так прекрасно, что Петю поставили во второй паре рядом с Зоей, самой красивой девочкой на даче, одетой в розовый костюм доброй феи.

Они прошли под руку вокруг сада, увешанного китайскими фонариками. Невероятно яркие кусты и деревья, охваченные зелеными и красными облаками бенгальского огня, вспухали то здесь, то там в таинственной тьме сада. В беседке, при свечах под стеклянными колпаками, ужинали взрослые. Мотыльки летели со всех сторон на свет и падали, обожженные, на скатерть.

Четыре ракеты выползли, шипя, из гуши бенгальского дыма и с трудом полезли в гору.

Но еще где-то в мире была луна. И это выяснилось лишь тогда, когда Петя и Зоя очутились в самой глубине сада. Сквозь дыры в листе проникал такой яркий и такой волшебный лунный свет, что даже белки девчокиных глаз отливали каленой синевой, и такой же синевой блеснула в кадке под старой абрикосой темная вода, в которой плавала чья-то игрушечная лодочка.

Тут-то мальчик и девочка, совершенно неожиданно для самих себя, и поцеловались, а поцеловавшись, до того смутились, что с преувеличенно громкими криками побежали куда

---

⁷ *Мандарин* – европейское название государственных чиновников в старом феодальном Китае.

⁸ *Коленкоровый* – то есть из коленкора, сильно накрахмаленной или пропитанной специальным составом хлопчатобумажной материи.

⁹ *Гуммиарабик* – выделяемая различными видами акаций прозрачная жидкая масса, твердеющая на воздухе, ранее применявшаяся как клей.

¹⁰ *Султан* – здесь: украшение в виде стоячего пучка перьев или конских волос на головном уборе или на голове лошади.

¹¹ *Вальтер Скотт* (1771–1832) – известный английский писатель, автор исторических романов, в том числе о рыцарях.

глаза глядят и бежали до тех пор, пока не очутились на заднем дворе. Там гуляли батраки, пришедшие поздравлять хозяйку.

На сосновом столе, вынесенном из людской кухни на воздух, стояли: бочонок пива, два штофа казенного вина¹², миска жареной рыбы и пшеничный калач. Пьяная кухарка в новой ситцевой кофточке с оборками сердито подавала гуляющим батракам порции рыбы и наливала кружки.

Гармонист в расстегнутой тужурке, расставив колени, качался на стуле, перебирая басовые клапаны задыхающейся гармоники.

Два прямых парня с равнодушными лицами, взявши друг друга за бока, подворачивали каблуки, вытаптывая полку. Несколько батрачек, в новых, нестиранных платках, со щеками, намазанными ради кокетства и смягчения кожи помидорным рассолом, стояли, обнявшись, в своих тесных козловых¹³ башмаках.

Рудольф Карлович и Луиза Францевна пятились от наступавшего на них батрака.

Батрак был совершенно пьян. Несколько человек держали его за руки. Он вырывался. Юшка текла из носа на праздничную, разорванную пополам рубашку. Он ругался страшными словами.

Рыдая и захлебываясь в этих злых, почти бешеных рыданиях, он кричал, скрипя зубами, как во сне:

– Три рубля пятьдесят копеек за два каторжных месяца!.. У, морда твоя бессовестная! Пустите меня до этой сволочи! Будьте людьми, пустите меня до него: я из него душу выниму! Дайте мне спички, пустите меня до соломы: я им сейчас именины сделаю... Ох, нет на тебя Гришки Котовского¹⁴, гадюка!

Лунный свет блестел в его закатившихся глазах.

– Но, но, но... – бормотал хозяин, отступая. – Ты смотри, Гаврила, не чересчур разоряйся¹⁵, а то, знаешь, теперь за эти слова и повесить могут.

– Ну на! Вешай! – кричал, задыхаясь, батрак. – Чего же ты не вешаешь? На, пей кровь! Пей!..

Это было так страшно, так непонятно, а главное – так не вязалось со всем этим чудесным праздником, что дети бросились назад, крича, что Гаврила хочет зарезать Рудольфа Карловича и поджечь экономию.

Трудно себе представить, какой переполох поднялся на даче.

Родители уводили детей в комнаты. Всюду запирали окна и двери, как перед грозой.

Земский начальник¹⁶ Чувяков, приехавший на несколько дней к семье погостить, прошел через крокетную площадку, вырывая ногами дужки, расшвыривая с дороги молотки и шары.

Он держал в приподнятых руках двустволку.

Напрасно Рудольф Карлович просил жильцов успокоиться. Напрасно он уверял, что никакой опасности нет: Гаврила связан и посажен в погреб и завтра за ним приедет урядник¹⁷...

Однажды ночью далеко над степью встало красное зарево. Утром разнесся слух, что сгорела соседняя экономия. Говорили, что ее подожгли батраки.

Приезжие из Одессы передавали, что в городе беспорядки. Ходили слухи, что в порту горит эстакада¹⁸.

---

¹² *Казённое вино* – водка, продававшаяся в государственных лавках для монопольной продажи спиртных напитков.

¹³ *Козловый* – то есть из кожи козла.

¹⁴ *Гришка Котовский* – Котовский Григорий Иванович (1881–1925), организатор вооруженных выступлений молдавских крестьян в 1905 и 1915 гг., участник установления советской власти в Молдавии.

¹⁵ *Разоряться* – здесь: браниться, ругаться.

¹⁶ *Земский начальник* – до революции так называлось должностное лицо, управляющее местным крестьянством.

¹⁷ *Урядник* – в царской России нижний чин уездной полиции.

¹⁸ *Эстакада* – помост на сваях для причала судов.

После праздника, на рассвете, приезжал урядник. Он увез Гаврилу. Сквозь утренний сон Петя даже слышал колокольчик урядниковой тройки.

Дачники разъезжались.

Вскоре экономия совсем опустела.

Петя постоял возле заветной кадки под старой абрикосой, похлопал прутиком по воде. Нет! И кадка была не та, и вода не та, и старая абрикоса не та.

Все, все вокруг стало чужим, все потеряло очарование, все смотрело на Петю как бы из далекого прошлого.

Неужели же и море встретит Петю в последний раз так же холодно и равнодушно?

Петя побежал к обрывам.

II. Море

Низкое солнце ослепительно било в глаза. Море под ним во всю ширину горело, как магний¹⁹. Степь обрывалась сразу.

Серебряные кусты дикой маслины, окруженные кипящим воздухом, дрожали над пропастью.

Крутая дорожка вела зигзагами вниз. Петя привык бегать по ней босиком. Ботинки стесняли мальчика. Подметки скользили. Ноги бежали сами собой. Их невозможно было остановить.

До первого поворота мальчик еще кое-как боролся с силой земного притяжения. Он подворачивал каблуки и хватался за сухие нитки корней, повисших над дорожкой. Но гнилые корни рвались. Из-под каблуков сыпалась глина. Мальчик был окружен облаком пыли, тонкой и коричневой, как порошок какао.

Пыль набивалась в нос, в горле першило. Пете это надоело. Э, будь что будет!

Он закричал во все горло, взмахнул руками и очертя голову ринулся вниз.

Шляпа, полная ветра, колотилась за спиной. Матросский воротник развевался. В чулки впивались колючки... И мальчик, делая страшные прыжки по громадным ступеням естественной лестницы, вдруг со всего маху вылетел на сухой и холодный, еще не обогретый солнцем песок берега. Песок этот был удивительной белизны и тонкости. Вязкий и глубокий, сплошь истыканный ямками вчерашних следов, оплывших и бесформенных, он напоминал манную крупу самого первого сорта.

Он полого, почти незаметно сходил в воду. И крайняя его полоса, ежеминутно покрываемая широкими языками белоснежной пены, была сырой, лиловой, гладкой, твердой и легкой для ходьбы.

Чудеснейший в мире пляж, растянувшийся под обрывами на сто верст²⁰ от Каролино-Бугаза²¹ до гирла²² Дуная, тогдашней границы Румынии, казался диким и совершенно безлюдным в этот ранний час.

Чувство одиночества с новой силой охватило мальчика. Но теперь это было совсем особое, гордое и мужественное одиночество Робинзона на необитаемом острове.

Петя первым делом стал присматриваться к следам. У него был опытный, пронизательный глаз искателя приключений. Он был окружен следами. Он читал их, как Майн Рида²³.

Черное пятно на стене обрыва и серые уголья говорили о том, что ночью к берегу приставали на лодке туземцы и варили на костре пищу. Лучевидные следы чаек свидетельствовали о штиле и обилии возле берега мелкой рыбешки.

Длинная пробка с французским клеймом и побелевший в воде ломтик лимона, выброшенный волной на песок, не оставляли никаких сомнений в том, что несколько дней назад в открытом море прошел иностранный корабль.

Между тем солнце еще немножко поднялось над горизонтом. Теперь море сияло уже не сплошь, а лишь в двух местах: длинной полосой на самом горизонте и десятком режущих глаза звезд, попеременно вспыхивающих в зеркале волны, осторожно лежащей на песок.

---

¹⁹ *Магний* – химический элемент (Mg), легкий ковкий металл серебристо-белого цвета, горящий ярким белым пламенем.

²⁰ *Верста* – старинная русская мера путевой длины, равная 1,067 км.

²¹ *Каролино-Бугаз* – село и песчаная коса, омываемая с юга водами Черного моря, а с севера пресными водами лиманов, в 50 км от Одессы.

²² *Гирло* – разветвление речного русла (слово употребляется по отношению к рекам, впадающим в Черное и Азовское моря).

²³ *Майн Рид* Томас (1818–1883) – известный английский писатель, автор приключенческих романов.

На всем же остальном своем громадном пространстве море светилось такой нежной, такой грустной голубизной августовского штиля, что невозможно было не вспомнить:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!.. –

хотя и паруса нигде не было видно, да и море ничуть не казалось туманным.

Петя залюбовался морем.

Сколько бы ни смотреть на море – оно никогда не надоест. Оно всегда разное, новое, невиданное.

Оно меняется на глазах каждый час.

То оно тихое, светло-голубое, в нескольких местах покрытое почти белыми дорожками штиля. То оно ярко-синее, пламенное, сверкающее. То оно играет барашками. То под свежим ветром становится вдруг темно-индиговым²⁴, шерстяным, точно его гладят против ворса. То налетает буря – и оно грозно преображается. Штормовой ветер гонит крупную зыбь. По грифельному небу летают с криками чайки. Взбаламученные волны волокут и швыряют вдоль берега глянцеvitое тело дохлого дельфина. Резкая зелень горизонта стоит зубчатой стеной над бурными облаками шторма. Малахитовые доски прибоя, размашисто исписанные беглыми зигзагами пены, с пушечным громом разбиваются о берег. Эхо звенит бронзой в оглушенном воздухе. Тонкий туман брызг висит кисеей во всю громадную высоту потрясенных обрывов.

Но главное очарование моря заключалось в какой-то тайне, которую оно всегда хранило в своих пространствах.

Разве не тайной было его фосфорическое свечение, когда в безлунную июльскую ночь рука, опущенная в черную теплую воду, вдруг озарялась, вся осыпанная голубыми искрами? Или движущиеся огни невидимых судов и бледные медлительные вспышки неведомого маяка? Или число песчинок, недоступное человеческому уму?

Разве, наконец, не было полным тайны видение взбунтовавшегося броненосца, появившегося однажды очень далеко в море?

Его появлению предшествовал пожар в Одесском порту. Зарево было видно за сорок верст. Тотчас разнесся слух, что это горит эстакада.

Затем было произнесено слово: «Потёмкин».

Несколько раз, таинственный и одинокий, появлялся мятежный броненосец на горизонте в виду бессарабских²⁵ берегов.

Батраки бросали работу на фермах и выходили к обрывам, старались разглядеть далекий дымок. Иногда им казалось, что они его видят. Тогда они срывали с себя фуражки и рубахи и, с яростью размахивая ими, приветствовали инсургентов²⁶.

Но Петя, как ни шурился, как ни напрягал зрение, по совести говоря, ничего не видел в пустыне моря.

Только однажды, в подзорную трубу, которую ему удалось выпросить на минуточку у одного мальчика, он разглядел светло-зеленый силуэт трехтрубного броненосца с красным флажком на мачте.

Корабль быстро шел на запад, в сторону Румынии.

А на другой день горизонт вдруг покрылся низким, сумрачным дымом. Это вся черноморская эскадра шла по следу «Потёмкина».

---

²⁴ *Тёмно-индиго́вый* – темно-темно-синий; индиго – ценная темно-синяя краска.

²⁵ *Бессара́бия* – историческая область между реками Днестр и Прут (ныне основная часть территории Молдавии и южная часть Одесской обл.).

²⁶ *Ину́рಗೆ́ит* – участник вооруженного восстания.

Рыбаки, приплывшие из гирла Дуная на своих больших черных лодках, привезли слух о том, что «Потёмкин» пришел в Констанцу, где ему пришлось сдать румынскому правительству. Команда высадилась на берег и разошлась кто куда.

Прошло еще несколько тревожных дней.

И вот на рассвете горизонт снова покрылся дымом.

Это шла назад из Констанцы в Севастополь черноморская эскадра, таща на буксире, как на аркане, схваченного мятежника.

Пустой, без команды, с машинами, залитыми водой, со спущенным флагом восстания, тяжело ныряя в острой зыби, «Потёмкин» медленно двигался, окруженный тесным конвоем дыма. Он долго шел мимо высоких обрывов Бессарабии, откуда молча смотрели ему вслед рабочие с экономии, солдаты пограничной стражи, рыбаки, батрачки... Смотрели до тех пор, пока эскадра не скрылась из глаз. И опять стало море таким ласковым и тихим, будто его облили синим маслом.

Между тем на степных дорогах появились отряды конных стражников, высланных к границе Румынии на поимку беглых потёмкинцев.

...Петя решил на прощанье наскоро выкупаться.

Но едва мальчик, разбежавшись, бултыхнулся в море и поплыл на боку, расталкивая прохладную воду коричневым атласным плечиком, как тотчас забыл все на свете.

Сперва, переплыв прибрежную глубину, Петя добрался до первой мели. Он взошел на нее и стал прогуливаться по колено в воде, разглядывая сквозь прозрачную толщу отчетливую чешую песчаного дна.

На первый взгляд могло показаться, что дно необитаемо. Но стоило только хорошенько присмотреться, как в морщинах песка обнаруживалась жизнь. Там передвигались, то появляясь, то зарываясь в песок, крошечные кувшинчики рака-отшельника. Петя достал со дна один такой кувшинчик и ловко выдернул из него ракообразное – даже были крошечные клешни! – тельце моллюска.

Девочки любили нанизывать эти ракушечки на суровую нитку. Получались превосходные бусы. Но это было не мужское занятие.

Потом мальчик заметил в воде медузу и погнался за ней. Медуза висела прозрачным абажуром с кистью таких же прозрачных щупалец. Казалось, что она висит неподвижно. Но это только казалось. Тонкие закраины ее толстого купола дышали и волновались синей желатиновой каймой, как края парашюта. Щупальца шевелились. Она косо уходила вглубь, как бы чувствуя приближающуюся опасность.

Но Петя настиг ее. Осторожно – чтобы не прикоснуться к ядовитой кайме, обжигающей, как крапива, – мальчик обеими руками схватил медузу за купол и вытащил увесистое, но непрочное ее тело из воды. Он с силой зашвырнул животное на берег.

Роняя на лету оторвавшиеся щупальца, медуза шлепнулась на мокрый песок. Солнце тотчас зажглось в ее слизи серебряной звездой.

Петя испустил вопль восторга и, ринувшись с мели в глубину, занялся своим любимым делом – стал нырять с открытыми глазами.

Какое это было упоение!

На глубине перед изумленно раскрытыми глазами мальчика возник дивный мир подводного царства. Сквозь толщу воды, увеличенные, как в лупу, были явственно видны разноцветные камешки гравия. Они покрывали дно, как булыжная мостовая.

Стебли подводных растений составляли сказочный лес, пронизанный сверху мутно-зелеными лучами солнца, бледного, как месяц.

Среди корней, рогами расставив страшные клешни, проворно пробирался боком большой старый краб. Он нес на своих паучьих ногах дутую коробочку спины, покрытую известковыми бородавками моллюсков.

Петя ничуть его не испугался. Он хорошо знал, как надо обращаться с крабами. Их надо смело хватать двумя пальцами сверху за спину. Тогда краб никак не сможет ущипнуть.

Впрочем, краб не заинтересовал мальчика. Пусть себе ползет, не велика редкость. Весь пляж был усеян сухими клешнями и багровыми скорлупками спинок.

Гораздо интереснее казались морские коньки.

Как раз небольшая их стайка появилась среди водорослей. С точеными мордочками и грудками – ни дать ни взять шахматный конь, но только с хвостиком, закрученным вперед, – они плыли стоймя, прямо на Петю, распустив перепончатые плавники крошечных подводных драконов.

Как видно, они совсем не предполагали, что могут в такой ранний час наткнуться на охотника.

Сердце мальчика забилося от радости. У него в коллекции был всего один морской конек, и то какой-то сморщенный, трухлявый. А эти были крупные, красивые, один в одного.

Было бы безумием пропустить такой исключительный случай.

Петя вынырнул на поверхность, чтобы набрать побольше воздуха и поскорее начать охоту. Но вдруг он увидел на обрыве отца.

Отец размахивал соломенной шляпой и что-то кричал.

Обрыв был так высок и голос так гулко отдавался в обрыве, что до Пети долетело только раскатистое:

«...дядь-дядь-дядь-дядь!..»

Однако Петя очень хорошо понял значение этого «дядь-дядь-дядь». Оно значило следующее:

– Куда ты провалился, гадкий мальчишка? Я тебя ищу по всей даче! Дилижанс ждет!.. Ты хочешь, чтобы мы из-за тебя опоздали на пароход? Сейчас же вылезай из воды, негодяй!

Голос отца вернул Петю к горькому чувству разлуки, с которым он встал сегодня. И мальчик закричал таким отчаянно громким голосом, что у него зазвенело в ушах:

– Сейчас иду! Сейчас!

А в обрыве отдалось раскатистое:

«...айс-айс-айс!..»

Петя быстро надел костюм прямо на мокрое тело – что, надо признаться, было очень приятно – и стал взбираться наверх.

III. В степи

Дилижанс уже стоял на дороге против ворот. Кучер, взобравшись на колесо, привязывал к крыше складные парусиновые кровати уезжающих дачников и круглые корзины с синими баклажанами, которые, пользуясь случаем, отправляли из экономии в Аккерман.

Маленький Павлик, одетый по случаю путешествия в новый голубой фартучек, в туго накрахмаленной пикеиной шляпке, похожей на формочку для желе, стоял в предусмотрительном отдалении от лошадей, глубокомысленно изучая все подробности их упряжи.

Его безмерно удивляло, что эта упряжь, настоящая упряжь настоящих, живых лошадей, так явно не похожа по своему устройству на упряжь его прекрасной картонной лошади Кудлатки. (Кудлатку не взяли с собой на дачу, и она теперь дожидалась своего хозяина в Одессе.)

Вероятно, приказчик, продавший Кудлатку, что-нибудь да перепутал!

Во всяком случае, нужно будет не забыть немедленно по приезде попросить папу вырезать из чего-нибудь и пришить к ее глазам эти черные, очень красивые заслонки – неизвестно, как они называются.

Вспомнив таким образом про Кудлатку, Павлик почувствовал беспокойство. Как она там без него живет в чулане? Дает ли ей тетя овес и сено? Не отъели ли у нее мыши хвост? Правда, хвоста у нее осталось уже маловато: два-три волоска да обойный гвоздик, – но все-таки.

Чувствуя страшное нетерпение, Павлик высунул набок язык и побежал к дому, чтобы поторопить папу и Петю.

Но, как его ни беспокоила участь Кудлатки, все же он ни на минуту не забывал о своей новой дорожной сумочке, висящей через плечо на тесемке. Он крепко держался за нее обеими ручонками.

Там кроме плитки шоколада и нескольких соленых галетиков «Капитэн» лежала главная его драгоценность – копилка, сделанная из жестянки «Какао Эйнем». Там хранились деньги, которые Павлик собирал на покупку велосипеда.

Денег было уже довольно много: копеек тридцать восемь – тридцать девять...

Папа и Петя, наевшиеся парного молока с серым пшеничным хлебом, уже шли к дилижансу.

Петя бережно нес под мышкой свои драгоценности: банку с заспиртованными морскими иглами и коллекции бабочек, жуков, ракушек и крабов.

Все трое сердечно простились с хозяевами, вышедшими их проводить к воротам, уселись в дилижанс и поехали.

Дорога огибала ферму.

Дилижанс, гремя подвязанным ведром, проехал мимо фруктового сада, мимо беседки, мимо скотного и птичьего дворов. Наконец он поравнялся с гарманом, то есть с той ровной, хорошо убитой площадкой, на которой молотят и веют хлеб. В Средней России такая площадка называется ток, а в Бессарабии – гарман.

За дорожным валом, густо поросшим седой от пыли дерезой²⁷ со множеством продолговатых капелек желтовато-алых ягод, сразу же начинался соломенный мир гармана. Скирды старой и новой соломы, большие и высокие, как дома, образовали целый город. Здесь были настоящие улицы, переулки и тупики. Кое-где под слоистыми, почти черными стенами очень старой соломы, пробиваясь из плотной, как бы чугунной земли, горели изумрудные фитильки пшеничных ростков изумительной чистоты и яркости.

---

²⁷ Дереза – степной колючий кустарник.

Из трубы парового двигателя валил густой опаловый дым. Слышался воющий гул невидимой молотилки. Маленькие бабы с вилами ходили на верхушке новой скирды по колено в пшенице.

Тени хлеба, переносимого на вилах, летали по туче половы²⁸, пробитой косыми, движущимися балками солнечного света. Мелькнули мешки, весы, гири.

Потом проплыл высокий холм только что намолоченного зерна, покрытого брезентом.

И дилижанс выехал в открытую степь.

Одним словом, все было сначала так же, как и в прошлые годы. Открытое вокруг на десятки верст пустынное жнивье. Одинокий курган. Слюдяной блеск лиловых иммортелей²⁹. Присевший возле своей норки суслик. Кусок веревки, похожей на раздавленную гадюку...

Но вдруг впереди показалась пыль, и мимо дилижанса крупной рысью проехал небольшой отряд конных стражников.

– Стой!

Дилижанс остановился.

Один из всадников подъехал к дилижансу.

Короткий ствол карабина прыгал над зеленым погоном с цифрой. Прыгала пыльная фуражка набекрень. Скрипело и горячо воняло кожей седло.

Храпящая морда лошади остановилась на уровне открытого окна. Крупные зубы грызли белое железо мундштука. Травянисто-зеленая пена капала с черных, как бы резиновых губ. Из нежных телесно-розовых ноздрей вылетало горячее дыхание, обдавая паром сидящих в дилижансе.

Черные губы потянулись к соломенной шляпе Пети.

– Кого везешь? – раздался где-то вверху солдатский голос.

– Дачников на пароход, – ответил неузнаваемо тонкий, поспешный, какой-то угодливый голос кучера. – Они в Аккерман едут, а там прямо на пароход – и в Одессу. Они тута в экономии все лето жили. С самого начала июня. Теперь они едут обратно до дому...

– А ну покажь!

И с этими словами в окно заглянуло красное, желтоусое и желтобровое солдатское лицо с жестко выскобленным подбородком и с овальной кокардой на зеленом околыше фуражки.

– Кто такие?

– Дачники, – сказал, улыбаясь, отец.

Солдату, видно, не понравились эта улыбка и это слишком вольное слово «дачники», показавшееся ему насмешкой.

– Я вижу, что дачники, – с грубым неудовольствием сказал он. – Мало что дачники! А кто такие – дачники?

Нижняя челюсть у отца дрогнула, борода запрыгала. Побледнев от негодования, он дрожащими пальцами застегнул на все пуговицы летнее пальто, поправил пенсне и резким фальцетом закричал:

– Как вы смеете говорить со мной в таком тоне?! Я – преподаватель среднеучебных заведений, коллежский советник Бачей, а это мои дети – Петр и Павел. Мы направляемся в Одессу.

На лбу у отца выступили розовые пятна.

– Виноват, ваше высокоблагородие, – бодро сказал солдат, вылупив почти белые глаза, и поднес руку с нагайкой к козырьку. – Обознался!

Как видно, он был смертельно перепуган, услышав хоть до сих пор ему и неизвестный, но столь грозный штатский чин – «коллежский советник».

Ну его к богу! Еще нарвешься на неприятность. Еще по зубам заработаешь.

---

²⁸ *Поло́ва* – мякина, отходы при обмолоте и очистке зерна.

²⁹ *Иммортель* – растение-сухоцвет, бессмертник.

Он дал лошади шпоры и ускакал.

– Дурак, – сказал Петя, когда солдаты были уже далеко.

Отец снова вскипятился:

– Замолчи! Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не смел произносить этого слова! Тот, кто часто говорит «дурак», чаще всего сам... не слишком умный человек. Заруби это себе на носу.

В другое время Петя, конечно, полез бы в спор, но сейчас он смолчал. Он слишком хорошо понимал душевное состояние отца.

Отец, который всегда с раздражительным презрением говорил о чинах и орденах, который никогда не носил форменного вицмундира и никогда не надевал своей «Анны третьей степени», который не признавал никаких сословных привилегий и упрямо утверждал, что все жители России суть не что иное, как только «граждане», вдруг, в порыве раздражения, наговорил бог знает чего. И кому же? Первому встречному солдату...

«Преподаватель среднеучебных заведений»... «Коллежский советник»... «Как вы смеете говорить в таком тоне»... «Фу, какая ерунда! – говорило смущенное лицо отца. – Фу, как стыдно!»

Тем временем кучер, как это всегда бывает во время долгих поездок на лошадях, в общем замешательстве уже успел потерять ремешок кнута и ходил по дороге, шарпя кнутовищем по придорожным, седым от пыли кустикам полыни. Наконец он его нашел и привязал, затянув узел зубами.

– А-а, чтоб им пусто было! – сказал он, подходя к дилижансу. – Ездят эти стражники по всем дорогам и ездят, только людей пугают.

– Зачем ездят? – спросил отец.

– Кто их знает зачем. Ловят кого-нибудь, чи шо. Тут позавчера, верст за тридцать, экономю помещика Балабанова спалили. Говорят, какой-то беглый матрос с «Потёмкина» поджег. Так теперь они скрозь ездят и ловят того беглого матроса. Он, говорят, где-то тут по степу скрывается. Такие дела. Что ж, поедем?

С этими словами кучер влез на свое высокое место, разобрал вожжи, и дилижанс тронулся дальше.

Однако, как ни прекрасно было это утро, настроение у всех было уже испорчено.

Очевидно, в этом чудесном мире густого синего неба, покрытого дикими табунами белогривых облаков, в мире лиловых теней, волнисто бегущих с кургана на курган по степным травам, среди которых нет-нет да и мелькнет конский череп или воловьи рога, в мире, который был создан, казалось, исключительно для человеческой радости и счастья, – в этом мире не все обстояло благополучно.

И об этом думали в дилижансе и отец, и кучер, и Петя.

Только у одного Павлика были свои, особые мысли.

Крепко наморщив круглый кремовый лобик, на который спускалась из-под шляпки аккуратно подстриженная челка, мальчик сидел, сосредоточенно устремив в окно карие внимательные глаза.

– Папа... – сказал он вдруг, не отводя глаз от окна, – папа, а кто царь?

– То есть как это – кто царь?

– Ну – кто?

– Гм... Человек.

– Да нет же. Я сам знаю, что человек. Какой ты! Не человек, а кто? Понимаешь, кто?

– Не понимаю, что ты хочешь?

– Я тебя спрашиваю: кто?

– Вот, ей-богу... Кто да кто... Ну, если хочешь, помазанник.

– Чем помазанник?

– Что-о?!

Отец строго посмотрел на сына.

– Ну – как: если помазанник, то чем? Понимаешь – **чем**?

– Не ерунди!

И отец сердито отвернулся.

IV. Водопой

Часов в десять утра заехали в большое, наполовину молдаванское, наполовину украинское село «напувать» лошадей. Отец взял Павлика за руку, и они отправились покупать дыни. Петя же остался возле лошадей, с тем чтобы присутствовать при водопое.

Кучер подвел лошадей, тащивших за собой громоздкий вагон дилижанса, к кринице. Это был колодец, так называемый «журавель».

Кучер сунул кнут за голенище и поймал очень длинную, вертикально висящую палку, к концу которой была прикована на цепи тяжелая дубовая бадейка. Он стал, перебирая руками по палке, опускать ее в колодец. Журавель заскрипел. Один конец громадного коромысла стал наклоняться, как бы желая заглянуть в колодец, в то время как другой – с привязанным для противовеса большим ноздреватым камнем – легко поднимался вверх.

Петя навалился грудью на борт криницы и посмотрел в нее, как в подзорную трубу.

Круглая шахта, выложенная булыжником, покрытая глухим темно-коричневым бархатом плесени, уходила далеко вглубь. И там, в холодной темноте, блестел маленький кружочек воды с фотографически четким отражением Петиней шляпы.

Мальчик крикнул, и колодец, как глиняный кувшин, наполнился гулким шумом.

Бадейка очень далеко шла вниз, стала совсем маленькой, а все никак не могла дойти до воды. Наконец раздался далекий всплеск. Бадейка погрузилась в воду, захлебнулась и пошла вверх.

Увесистые капли шлепались в воду. Они стреляли, как пистоны.

Долго шла, поднимаясь, палка, натертая множеством рук, как стекло, пока наконец не появилась мокрая цепь.

Журавель скрипнул в последний раз. Кучер сильными руками подхватил пудовую³⁰ бадейку и вылил в каменную колоду. Но, прежде чем вылить, напился из нее сам. После кучера напился и Петя. Именно в этом-то и заключалась главная прелесть водопоя.

Мальчик окунул нос и подбородок в совершенно прозрачную, холодную как лед воду. Бадейка изнутри обросла зеленой бородой тины. Что-то жуткое, почти колдовское было в этой бадейке и в этой тине. Что-то очень древнее, удельное, лесное, говорившее детскому воображению о водяной мельнице, колдуне-мельнике, омуте и Царевне-лягушке.

От ледяной воды сразу стало ломить лоб. Но день был горяч. И Петя знал, что эта боль скоро пройдет.

Петя очень хорошо знал также, что надобно ведер восемь – десять, для того чтобы напоить лошадей. На это уйдет по меньшей мере полчаса. Можно погулять.

Мальчик осторожно пробрался через черную, как вакса, грязь водопоя, сплошь истыканную свинными копытами. Затем пошел вдоль водостока, по лужку, покрытому гусиным пухом.

Водосток привел его к болотцу, сплошь заросшему высоким лесом камыша, осоки и сорняков.

Здесь даже в самый яркий полдень была сумрачная прохлада. Множество одуряющих запахов резко ударило в нос.

Особый, очень острый запах осоки смешивался со сладкой, какой-то ореховой вонью болиголова, от которой действительно начинала болеть голова.

Остролистые кустики дурмана, покрытые черно-зелеными коробочками с мясистыми колючками и длинными, необыкновенно нежными и необыкновенно белыми вонючими цветами, росли рядом с паслёном, беленой и таинственной сон-травой.

---

³⁰ Пуд – старинная русская мера веса, равная 16,38 кг.

На тропинке сидела большая лягушка с закрытыми глазами, как заколдованная, и Петя изо всех сил старался на нее не смотреть, чтобы вдруг не увидеть на ее голове маленькую золотую коронку.

Вообще все казалось здесь заколдованным, как в сказочном лесу.

Не здесь ли бродила где-нибудь поблизости худенькая большеглазая Аленушка, безутешно оплакивая своего братика Иванушку?..

И если бы вдруг из чащи выбежал белый барашек и замыкал детским, тоненьким голоском, то, вероятно, Петя лишился бы чувств от страха.

Мальчик решил не думать о барашке. Но чем больше он старался не думать, тем больше думал. А чем больше думал, тем становилось ему страшнее одному в черной зелени этого проклятого места.

Он изо всех сил зажмурился, чтобы не закричать, и бросился вон из ядовитой заросли. Он бежал до тех пор, пока не очутился на задах небольшого хозяйства.

За плетнем, на котором торчало множество глиняных кувшинов, Петя увидел уютный гарман. Посредине его маленькой арены, усталой свежей, только что с поля, пшеницей, стояла повязанная бабьим платком до глаз девочка лет одиннадцати в длинной сборчатой юбке и короткой ситцевой кофточке с пышными рукавами.

Закрываясь от солнца локтем и переступая босыми ногами, она гоняла на длинной веревке по кругу двух лошадок, запряженных цугом. Мягко разбрасывая копытами солому, лошадки катили за собой по толстому слою блестящей пшеницы рубчатый каменный валик. Он твердо и бесшумно подпрыгивал.

За каменным валиком волоклась довольно широкая доска, загнутая спереди, как лыжа.

Петя знал, что в нижнюю поверхность этой доски врезано множество острых янтарных кремней, особенно чисто выбивающих из колоса зерно.

На этой быстро скользящей доске, с трудом сохраняя равновесие, лихо, как на салазках, стоял парнишка Петиных лет в расстегнутой вылинявшей рубахе и картузе козырьком на ухо.

Крошечная белоголовая девочка, судорожно ухватившись обеими ручонками за штанину брата, сидела у его ног на корточках, как мышка.

По кругу бегал старик, шевеля деревянными вилами пшеницу и подбрасывая ее под ноги лошадкам. Старуха подравнивала длинной доской на палке рассыпающийся и теряющий форму круг.

Немного поодаль, у скирды, баба с черными от солнца, жилистыми, как у мужчины, руками с натугой крутила шарманку веялки. В круглом отверстии барабана мелькали красные лопасти.

Ветер выносил из веялки блестящую тучу половы. Она легко и воздушно, как кисея, оседала на землю, на бурьян, достигала огорода, где над подсохшей ботвой совершенно созревших, желто-красных степных помидоров торчало, раскинув лохмотья, пугало в рваной дворянской фуражке с красным околышем.

Здесь, на этом маленьком гармане, как видно, работала вся крестьянская семья, кроме самого хозяина. Хозяин, конечно, был на войне, в Маньчжурии³¹, и, очень возможно, в это время сидел в гаоляне³², а японцы стреляли в него шимозами³³.

Эта бедная кропотливая молотьба была совсем не похожа на шумную, богатую, многолюдную молотьбу, к которой привык Петя в экономии. Но и в этой скромной молотьбе Петя тоже находил прелесть. Ему бы, например, очень хотелось покататься на доске с кремнями или

---

³¹ *Маньчжурия* – историческое название современной северо-восточной части Китая.

³² *Гаолян* – хлебный злак с очень высокими стеблями; распространен в Маньчжурии и прилегающих к ней областях.

³³ *Шимоза* – взрывчатое вещество, употреблявшееся в Японии для артиллерийских снарядов.

даже, на худой конец, покрутить ручку веялки. И он в другое время обязательно попросил бы хлопчика взять его с собой на доску, но, к сожалению, надо было торопиться.

Петя пошел обратно.

Ему навсегда запомнились все простые, трогательные подробности крестьянского труда: светлый блеск новой соломы; чисто выбеленная задняя стена мазанки; по ней – тряпичные куклы и маленькие, высушенные тыквочки, так называемые таракуцки, эти единственные игрушки крестьянских детей; а на гребне камышовой крыши – аист на одной ноге рядом со своим большим небрежным гнездом.

Особенно запомнился аист, его кургузый пиджачок с пикейной жилеткой, красная трость ноги (другой, поджатой ноги совсем не было видно) и длинный красный клюв, деревянно щелкавший наподобие колотушки ночного сторожа.

Возле хаты с синенькой вывеской «Волостное правление» стояли привязанные к столбикам крыльца три оседланные кавалерийские лошади.

Солдат с шашкой между колен, в пыльных сапогах сидел на ступеньках в холодке и курил махорку, закрученную в газетную бумажку.

– Послушайте, что вы здесь делаете? – спросил Петя.

Солдат лениво оглядел городского мальчика с ног до головы, пустил сквозь зубы далеко вбок длинную вожжу желтой слюны и равнодушно сказал:

– Матроса ловим.

«Что же это за таинственный, страшный матрос, который скрывается где-то тут поблизости, в степи, который поджигает экономии и которого ловят солдаты? – думал Петя, спускаясь по знойной пустынной улице в балочку, к кринице. – Может быть, этот страшный разбойник нападает на дилижансы?»

Разумеется, Петя ничего не сказал о своих опасениях отцу и брату. Зачем понапрасну волновать людей? Но сам он предпочел быть настороже и предусмотрительно засунул коллекции под скамейку, поближе к стенке.

Едва дилижанс тронулся и стал подниматься в гору, мальчик прильнул к окну и принялся не отрываясь смотреть по сторонам, не покажется ли где-нибудь из-за поворота разбойник. Он твердо решил до самого города ни за что не покидать своего поста.

Тем временем отец и Павлик, очевидно и не подозревавшие об опасности, занялись дыней.

В суровой полотняной наволоке с вышитыми по углам четырьмя букетами, полинявшими от стирок, лежал десяток купленных по копейке дынь. Отец вытащил одну – крепенькую, серовато-зеленую канталупку³⁴, всю покрытую тончайшей сеткой трещин, и, сказав: «А ну-ка, попробуем этих знаменитых дынь», аккуратно разрезал ее вдоль и раскрыл, как писанку³⁵. Чудесное благоухание наполнило дилижанс.

Отец подрезал внутренности дыни перочинным ножиком и ловким сильным движением выхлестнул их в окно. Затем разделил дыню на тонкие аппетитные скибки³⁶ и, уложив их на чистый носовой платок, заметил:

– Кажется, недурственная дынька.

Павлик, нетерпеливо ерзавший на месте, тотчас схватил обеими ручонками самую большую скибку и вьелся в нее по уши. Он даже засопел от наслаждения, и мутные капли сока повисли у него на подбородке.

Отец же аккуратно положил в рот небольшой кусочек, пожевал его, сладко зажмурился и сказал:

---

³⁴ *Канталупка* – сорт чрезвычайно сочных и сладких дынь с шероховатой бородавчатой кожей.

³⁵ *Писанка* – расписное пасхальное яйцо.

³⁶ *Скибка* – ломтик, долька.

- Действительно, замечательно!
- Наслаждец! – подтвердил Павлик.

Тут Петя, у которого за спиной происходили все эти невыносимые вещи, не выдержал и, забыв про опасность, кинулся к дыне.

У. Беглец

Верст за десять до Аккермана начались виноградники. Уже давно и дыню съели и корки выбросили в окно. Становилось скучно. Время подошло к полудню.

Легкий утренний ветер, свежестью своей напоминавший, что дело все-таки идет к осени, теперь совершенно упал. Солнце жгло, как в середине июля, даже как-то жарче, суше, шире.

Лошади с трудом тащили громоздкий дилижанс по песку глубиной по крайней мере в три четверти аршина³⁷. Передние – маленькие – колеса зарывались в него по втулку. Задние – большие – медленно виляли, с хрустом давя попадавшие в песок синие раковины мидий.

Тонкая мука пыли душным облаком окружала путешественников. Брови и ресницы стали седыми. Пыль хрустела на зубах.

Павлик тарачил свои светло-шоколадные зеркальные глаза и отчаянно чихал.

Кучер превратился в мельника.

А вокруг, нескончаемые, тянулись виноградники.

Узловатые жгуты старых лоз в строгом шахматном порядке покрывали сухую землю, серую от примеси пыли. Казалось, они скрючены ревматизмом. Они могли показаться безобразными, даже отвратительными, если бы природа не позаботилась украсить их чудеснейшими листьями благородного, античного рисунка.

Остро вырезанные, покрытые рельефным узором извилистых жил, в бирюзовых пятнах купороса³⁸, эти листья сквозили медовой зеленью в лучах полуденного солнца.

Молодые побеги лозы круто обвивались вокруг высоких тычков³⁹. Старые гнулись под тяжестью гроздьев.

Однако нужно было обладать зорким глазом, чтобы заметить эти гроздья, спрятанные в листве. Неопытный человек мог обойти целую десятину и не заметить ни одной кисти, в то время как буквально каждый куст был увешан ими и они кричали: «Да вот же мы, чудак человек! Нас вокруг тебя пудов десять. Бери нас, ешь! Эх ты, разиня!» И вдруг разиня замечал под самым своим носом одну кисть, потом другую, потом третью... пока весь виноградник вокруг не загорится кистями, появившимися как по волшебству.

Но Петя был знающий в этих делах человек. Виноградные кисти открывались ему сразу. Он не только замечал их тотчас, но даже определял их сорт на ходу дилижанса.

Было множество сортов винограда. Крупный светло-зеленый «чаус» с мутными косточками, видневшимися сквозь толстую кожу, висел длинными пирамидальными гроздьями по два, по три фунта⁴⁰. Опытный глаз никак не спутал бы его, например, с «дамскими пальчиками», тоже светло-зелеными, но более продолговатыми и глянцевыми.

Нежная лечебная «шашла» почти ничем не отличалась от «розового муската», но какая была между ними разница! Круглые ягодки «шашлы», сжатые в маленькую изящную кисть до того тесно, что теряли форму и делались почти кубиками, ярко отражали в своих медово-розовых пузырьках солнце, в то время как ягодки «розового муската» были покрыты мутной аметистовой пылью и солнца не отражали.

Но все они – и иссиня-черная «изабелла», и «чаус», и «шашла», и «мускат» – были до того соблазнительны в своей зрелой прозрачной красоте, что даже разборчивые бабочки садились на них, как на цветы, смешивая свои усики с зелеными усиками винограда.

---

³⁷ *Три четверти аршина* – то есть около 53 см. Аршин – старинная русская мера длины, равная 0,71 м.

³⁸ *Купорос* – имеется в виду медный купорос, сульфат меди, используемый в сельском хозяйстве для борьбы с вредителями и болезнями растений.

³⁹ *Тычок* – палка, тонкий кол.

⁴⁰ *Фунт* – старинная русская мера веса, равная 409,5 г.

Иногда среди лоз попадался шалаш. Рядом с ним всегда стояла кадка с купоросом, испятнанная сквозной лазурной тенью яблони или абрикосы.

Петя с завистью смотрел на уютную соломенную халабуду. Он очень хорошо знал, как приятно бывает сидеть в таком шалаше на сухой горячей соломе в знойной послеобеденной тени.

Неподвижная духота насыщена пряными запахами чабреца и тмина. Чуть слышно потрескивают подсыхающие стручки мышиного горошка. Хорошо!

Кусты винограда дрожали и струились, облитые воздушным стеклом зноя.

И надо всем этим бледно синело почти обесцвеченное зноем степное, пыльное небо.

Чудесно!

И вдруг произошло событие, до такой степени стремительное и необычайное, что трудно было даже сообразить, что случилось сначала и что потом.

Во всяком случае, сначала раздался выстрел. Но это не был хорошо знакомый, нестрашный гулкий выстрел из дробовика, столь частый на виноградниках. Нет. Это был зловещий, ужасающий грохот трехлинейной винтовки казенного образца.

Одновременно с этим на дороге показался конный стражник с карабином в руках.

Он еще раз приложился, прицелился в глубину виноградника, но, видно, раздумал стрелять. Он опустил карабин поперек седла, дал лошади шпоры, пригнулся и махнул через канаву и высокий вал прямо в виноградник. Пришлепнув фуражку, он помчался, ломая виноградные кусты, напрямик и вскоре скрылся из глаз.

Дилижанс продолжал ехать.

Некоторое время вокруг было пусто.

Вдруг позади, на валу виноградника, в одном месте закачалась дереза. Кто-то спрыгнул в ров, потом выкарабкался из рва на дорогу.

Быстрая человеческая фигура, скрытая в облаке густой пыли, бросилась догонять дилижанс.

Вероятно, кучер заметил ее сверху раньше всех. Однако, вместо того чтобы затормозить, он, наоборот, встал на козлах и отчаянно закрутил над головой кнутом. Лошади пустились вскачь.

Но неизвестный успел уже вскочить на подножку и, открыв заднюю дверцу, заглянул в дилижанс.

Он тяжело дышал, почти задыхался.

Это был коренастый человек с молодым, бледным от испуга лицом и карими не то веселыми, не то насмерть испуганными глазами.

На его круглой, ежом стриженной большой голове неловко сидел новенький люстриновый⁴¹ картузик с пуговкой, вроде тех, какие носят мастеровые в праздник. Но в то же время под его тесным пиджаком виднелась вышитая батрацкая рубаха, так что как будто он был вместе с тем и батраком.

Однако толстые, гвардейского сукна штаны, бархатистые от пыли, уж никак не шли ни мастеровому, ни батраку. Одна штанина задралась и открыла рыжее голенище грубого флотского сапога с двойным швом.

«Матрос!» – мелькнула у Пети страшная мысль, и тут же на кулаке неизвестного, сжимавшего ручку двери, к ужасу своему, мальчик явственно увидел голубой вытатуированный якорь.

Между тем неизвестный, как видно, был смущен своим внезапным вторжением не менее самих пассажиров.

---

⁴¹ Люстриновый – то есть из люстрина, полушерстяной или шерстяной блестящей материи.

Увидев остолбеневшего от изумления господина в пенсне и двух перепуганных детей, он беззвучно зашевелил губами, как бы желая не то поздороваться, не то извиниться.

Но, кроме кривой, застенчивой улыбки, у него ничего не вышло.

Наконец он махнул рукой и уже собирался спрыгнуть с подножки обратно на дорогу, как вдруг впереди показался разъезд. Незнакомый осторожно выглянул из-за кузова дилижанса, увидел в пыли солдат, быстро вскочил внутрь кареты и захлопнул за собой дверь.

Он умоляющими глазами посмотрел на пассажиров, затем, не говоря ни слова, стал на четвереньки и, к ужасу Пети, полез под скамейку, прямо туда, где были спрятаны коллекции.

Мальчик с отчаянием посмотрел на отца, но тот сидел совершенно неподвижно, с бесстрастным лицом, немного бледный, решительно выставив вперед бородку. Сцепив на животе руки, он крутил большими пальцами – один вокруг другого.

Весь его вид говорил: ничего не произошло, ни о чем не надо расспрашивать, а надо сидеть на своем месте как ни в чем не бывало и ехать.

Не только Петя, но даже и маленький Павлик поняли отца сразу.

Ничего не замечать! При создавшемся положении это было самое простое и самое лучшее.

Что касается кучера, то о нем нечего было и говорить. Он знай себе нахлестывал лошадей, даже не оборачиваясь назад.

Словом, это был какой-то весьма странный, но единодушный заговор молчания.

Разъезд поравнялся с дилижансом.

Несколько солдатских лиц заглянуло в окна. Но матрос уже лежал глубоко под скамейкой. Его совершенно не было видно.

По-видимому, солдаты не нашли ничего подозрительного в этом мирном дилижансе с детьми и баклажанами. Не останавливаясь, они проехали мимо.

По крайней мере полчаса продолжалось общее молчание. Матрос неподвижно лежал под скамейкой. Вокруг все было спокойно.

Наконец впереди, в жидкой зелени акаций, показалась вереница крайних домиков города.

Тогда отец первый нарушил молчание. Равнодушно глядя в окно, он сказал как бы про себя, но вместе с тем и рассчитанно громко:

– Ого! Кажется, мы подъезжаем. Уже виднеется Аккерман. Какая ужасная жара! На дороге ни души.

Петя сразу разгадал хитрость отца.

– Подъезжаем! Подъезжаем! – закричал он.

Он схватил Павлика за плечи и стал толкать его в окно, фальшиво-возбужденно крича:

– Смотри, Павлик, смотри, какая красивая птичка летит!

– Где летит птичка? – спросил Павлик с любопытством, высовывая язык.

– Ах, господи, какой ты глупый! Вот же она, вот.

– Я не вижу.

– Значит, ты слепой.

В это время позади раздался шорох, и сейчас же хлопнула дверь. Петя быстро обернулся. Но все вокруг было как прежде. Только уже не торчал из-под скамейки сапог.

Петя в тревоге заглянул под скамейку: целы ли коллекции?

Коробки были целы. Всё в порядке.

А Павлик продолжал суетиться у окна, стараясь увидеть птичку.

– Где же птичка?.. – хныкал он, кривя ротик. – Покажите птичку... Пе-е-етька, где пти-и-ичка?..

– Не ной! – наставительно сказал Петя. – Нет птички. Улетела. Пристал!

Павлик тяжело вздохнул и, поняв, что его грубо обманули, принялся с изумлением заглядывать под скамейку. Там никого не было.

– Папа, – наконец произнес он дрожащим голосом, – а где же дядя? Куда он девался?

– Не болтай! – строго заметил отец.

И Павлик горестно замолчал, ломая голову над таинственным исчезновением птички и не менее таинственным исчезновением дяди.

Колеса застучали по мостовой.

Дилижанс въехал в тенистую улицу, обсаженную акациями.

Замелькали серые кривые стволы телефонных столбов, красные черепичные и голубые железные крыши; вдалеке на минутку показалась скучная вода лимана⁴².

В тени прошел мороженщик в малиновой рубахе со своей кадочкой на макушке.

Судя по солнцу, времени было уже больше часа. А пароход «Тургенев» отходил в два.

Отец велел, не останавливаясь в гостинице, ехать прямо на пристань, откуда как раз только что вытек очень длинный и толстый пароходный гудок.

---

⁴² *Лиман* – залив при впадении реки в море.

VI. Пароход «Тургенев»

Не следует забывать, что описываемые в этой книге события происходили лет тридцать с лишним назад. А пароход «Тургенев» считался даже и по тому времени судном, порядочно устаревшим.

Довольно длинный, но узкий, с двумя колесами, красные лопасти которых виднелись в прорезях круглого кожуха, с двумя трубами, он скорее напоминал большой катер, чем маленький пароход.

Но Пете он всегда казался чудом кораблестроения, а поездка на нем из Одессы в Аккерман представлялась по меньшей мере путешествием через Атлантический океан.

Билет второго класса стоил дороговато: один рубль десять копеек. Покупалось два билета. Павлик ехал бесплатно.

Но все же ехать на пароходе было гораздо дешевле, а главное, гораздо приятнее, чем тащиться тридцать верст в душливой пыли на так называемом овидиопольце. Овидиопольцем назывался дребезжащий еврейский экипаж с кучером в рваном местечковом лапсердаке⁴³, лихо подпоясанном красным ямщицким кушаком. Взявши пять рублей и попробовав их на зуб, рыжий унылый возница с вечно больными розовыми глазами выматывал душу из пассажиров, через каждые две версты задавая овса своим полумертвым от старости клячам.

Едва заняли места и расположили вещи в общей каюте второго класса, как Павлик, разморенный духотой и дорогой, стал клевать носом. Его сейчас же пришлось уложить спать на черную клеенчатую койку, накаленную солнцем, бившим в четырехугольные окна.

Хотя эти окна и были окованы жарко начищенной медью, все-таки они сильно портили впечатление.

Как известно, на пароходе обязательно должны быть круглые иллюминаторы, которые в случае шторма надо задраивать.

В этом отношении куда лучше обстояло дело в носовой каюте третьего класса, где имелись настоящие иллюминаторы, хотя и не было мягких диванов, а только простые деревянные лавки, как на конке⁴⁴.

Однако в третьем классе ездить считалось «неприлично» в такой же мере, как в первом классе «кусалось».

По своему общественному положению семья одесского учителя Бачей как раз принадлежала к средней категории пассажиров, именно второго класса. Это было настолько же приятно и удобно в одном случае, насколько неудобно и унижительно – в другом. Все зависело от того, в каком классе едут знакомые.

Поэтому господин Бачей всячески избегал уезжать с дачи в компании с богатыми соседями, чтобы не испытывать лишнего унижения.

Был как раз горячий сезон помидоров и винограда. Погрузка шла утомительно долго.

Петя несколько раз выходил на палубу, чтобы узнать, скоро ли наконец отчалият. Но каждый раз казалось, что дело не движается. Грузчики шли бесконечной вереницей по трапу, один за другим, с ящиками и корзинками на плечах, а груза на пристани все не убывало.

Мальчик подходил к помощнику капитана, наблюдавшему за погрузкой, терся возле него, становился рядом, заглядывал сверху в трюм, куда осторожно опускали на цепях бочки с вином – сразу по три, по четыре штуки, связанные вместе.

Иногда он как бы нечаянно даже задевал помощника капитана локтем. Специально, чтобы обратить на себя внимание.

---

⁴³ *Лапсердак* – долгополый сюртук, который в старину носили польские и галицийские евреи.

⁴⁴ *Койка* – городская железная дорога с конной тягой.

– Мальчик, не путайся под ногами, – с равнодушной досадой говорил помощник капитана.

Но Петя на него не обижался. Пете важно было лишь как-нибудь завязать разговор.

– Послушайте, скажите, пожалуйста, скоро ли мы поедем?

– Скоро.

– А когда скоро?

– Как погрузим, так и поедем.

– А когда погрузим?

– Тогда, когда поедем.

Петя притворно хохотал, желая подольститься к помощнику:

– Нет, скажите серьезно: когда?

– Мальчик, уйди из-под ног!

Петя отходил с оживленно-независимым видом, как будто между ними не произошло никаких неприятностей, а просто так – поговорили и разошлись.

Он снова принимался, положив подбородок на перила, рассматривать смертельно надоевшую пристань.

Кроме «Тургенева» здесь грузилось еще множество барж.

Вся пристань была сплошь заставлена подводами с пшеницей. С сухим, шелковым шелестом текло зерно по деревянным желобам в квадратные люки трюмов.

Белое яростное солнце с беспощадной скукой царило над этой пыльной площадью, лишенной малейших признаков поэзии и красоты.

Всё, всё казалось здесь утомительно безобразным.

Чудесные помидоры, так горячо и лакомо блестящие в тени вялых листьев на огородах, здесь были упакованы в тысячи однообразных решетчатых ящиков.

Нежнейшие сорта винограда, каждая кисть которого казалась на винограднике произведением искусства, были жадно втиснуты в грубые ивовые корзинки и поспешно обшиты дерюгой с ярлыками, заляпанными клейстером.

С таким трудом выращенная и обработанная пшеница – крупная, янтарная, проникнутая всеми запахами горячего поля, – лежала на грязном брезенте, и по ней ходили в сапогах.

Среди мешков, ящиков и бочек расхаживал аккерманский городской в белом кителе чёртовой кожи⁴⁵, с оранжевым револьверным шнуром на черной шее и с большой шашкой.

От неподвижного речного зноя, от пыли, от вялого, но непрерывного шума медленной погрузки Петю клонило ко сну.

Мальчик еще раз, на всякий случай, подошел к старшему помощнику – узнать, скоро ли наконец поедем, и еще раз получил ответ, что как погрузим, так и поедем, а погрузим тогда, когда поедем.

Зевая и сонно думая о том, что, очевидно, все на свете товар, и помидоры – товар, и баржи – товар, и домики на земляном берегу – товар, и лимонно-желтые скирды возле этих домиков – товар, и, очень возможно, даже грузчики – товар, Петя побрел в каюту, примостился возле Павлика. Он даже не заметил, как заснул, а когда проснулся, оказалось, что пароход уже идет.

Положение каюты как-то непонятно переменялось. В ней стало гораздо светлей. По потолку бежало зеркальное отражение волны.

Машина работала. Слышался хлопотливый шум колес.

Петя пропустил интереснейший момент отплытия – пропустил третий гудок, команду капитана, уборку трапа, отдачу концов... Это было тем более ужасно, что ни папы, ни Павлика в каюте не было. Значит, они видели всё.

---

⁴⁵ Чёртова кожа – сорт дешевой хлопчатобумажной материи, отличающийся большой прочностью.

– Что же вы меня не разбудили?! – закричал Петя, чувствуя себя обворованным во сне. Кинувшись из каюты на палубу, он пребольно ушиб ногу об острый медный порог. Но даже не обратил внимания на такие пустяки.

– Окаянные, окаянные!

Впрочем, Петя напрасно так волновался.

Пароход хотя действительно уже и отвалил от пристани, но все же шел еще не по прямому курсу, а только разворачивался. Значит, самое интересное еще не произошло.

Предстояли еще и «малый ход вперед», и «самый малый ход вперед», и «стоп», и «задний ход», и «самый малый задний», и еще множество увлекательнейших вещей, известных мальчику в совершенстве.

Пристань удалялась, становилась маленькой, поворачивалась.

Пассажиры, которых вдруг оказался полон пароход, столпились, навалившись на один борт. Они продолжали махать платками и шляпами с таким горячим отчаянием, словно отправлялись бог весть куда, на край света, в то время как в действительности они уезжали ровным счетом на тридцать верст по прямой линии.

Но уж таковы были традиции морского путешествия и горячий темперамент южан.

Главным образом это были пассажиры третьего класса и так называемые палубные, помещавшиеся на нижней носовой палубе, возле трюма. Они не имели права находиться на верхних палубах, предназначенных исключительно для «чистой» публики первого и второго классов.

Петя увидел папу и Павлика на верхней палубе. Они азартно махали шляпами.

Тут же находились капитан и весь экипаж корабля: старший помощник и два босых матроса. Из всей команды только капитан и один матрос занимались настоящим делом управления пароходом. Старший помощник и другой матрос продавали билеты. С разноцветными рулонами и зеленой проволочной кассой, вроде тех, что чаще всего бывают в пекарнях, они обходили пассажиров, не успевших купить билеты на пристани.

Капитан отдавал команду, расхаживая поперек палубы – между двумя мостиками на крыльях парохода. В это время матрос на глазах у изумленных пассажиров смотрел в медный котел большого компаса и крутил колесо штурвала, изредка помогая себе босой ногой. При этом штурвал невероятно скрипел и рулевые цепи с грохотом ползли взад и вперед вдоль борта, каждую минуту готовые оторвать шлейфы у неосторожных дам.

Пароход шел задним ходом, медленно поворачивая.

– Право на борт! – не обращая ни малейшего внимания на пассажиров, почтительно обступивших компас, кричал капитан рулевому хриплым, горчичным голосом обжоры и грубияна. – Право на борт! Еще правей! Еще немножко! Еще самую чуть-чуть! Хорошо. Так держать.

Он перешел на правый мостик, открыл крышечку рупора, труба которого была проведена вниз, и постучал ногой по педали. В недрах пакетбота⁴⁶ раздалось дилиньканье колокольчика. Пассажиры с уважением подняли брови и молчаливо переглянулись. Они поняли, что капитан позвонил в машинное отделение.

Что делать? Бежать на мостик смотреть, как будет говорить капитан в рупор, или остаться возле матроса и компаса? Петя готов был разорваться.

Но рупор перевесил.

Мальчик схватил Павлика за руку и поволок его к мостику, возбужденно крича не без тайного намерения поразить двух незнакомых, но прекрасных девочек своей осведомленностью в морских делах:

– Смотри, Павлик, смотри, сейчас он будет говорить в рупор: «Передний ход».

– Малый ход назад! – сказал капитан в трубку.

---

⁴⁶ *Пакетбот* – морской почтово-пассажирский пароход.

И тотчас внизу задилинькал колокольчик. Это означало, что команда принята.

VII. Фотографическая карточка

Вот уже и Аккерман скрылся из глаз. Не стало видно развалин старинной турецкой крепости. А пароход продолжал идти по непомерно широкому днестровскому лиману, и казалось, конца-краю не будет некрасивой кофейной воде, облитой оловом солнца. Вода была так мутна, что тень парохода лежала на ней, как на глине.

Путешествие все еще как будто и не начиналось. Измученные лиманом, все ожидали выхода в море.

Наконец часа через полтора пароход стал выходить из устья лимана.

Петя прильнул к борту, боясь пропустить малейшую подробность этой торжественной минуты.

Вода заметно посветлела, хотя все еще была достаточно грязной.

Волна пошла крупнее и выше. Красные палки буйков, показывавшие фарватер⁴⁷, торчали из воды, валко раскачиваясь остроконечными грибками шляпок.

Иногда они проплывали так близко от борта, что Петя ясно видел в середине такого решетчатого грибка железную клеточку, куда ночью вставляют фонарик.

«Тургенев» обогнал несколько черных рыбацких лодок и два дубка⁴⁸ с круто надутыми темными парусами.

Лодки закачались, поднятые и опущенные волной, оставленной пароходом.

Мимо горячего песчаного мыса Каролино-Бугаз с казармой и мачтой кордона широкая водяная дорога, отмеченная двумя рядами буйков, выводила в открытое море.

Капитан всякую минуту заглядывал в компас, лично показывая рулевому курс.

Дело было, как видно, нешуточное.

Вода стала еще светлей. Теперь она была явно разбавлена чистой голубоватой морской водой.

– Средний ход! – сказал капитан в рупор.

Впереди, резко отделяясь от желтой воды лимана, лежала черно-синяя полоса мохнатого моря.

– Малый ход!

Оттуда било свежим ветром.

– Самый малый!

Машина почти перестала дышать. Лопасты еле-еле шлепали по воде. Плоский берег тянулся так близко, что, казалось, до него ничего не стоит дойти вброд.

Маленький, ослепительно белый маячок кордона; высокая его мачта, нарядно одетая гирляндами разноцветных морских флагов, отнесенных крепким бризом в одну сторону; канонерка⁴⁹, низко сидящая в камышах; фигурки солдат пограничной стражи, стирающих белье в мелкой хрустальной воде, – все это, подробно освещенное солнцем, почти бесшумно двигалось мимо парохода, отчетливое и прозрачное, как переводная картинка.

Близкое присутствие моря возвратило миру свежесть и чистоту, как будто бы сразу сдуло с парохода и пассажиров всю пыль.

Даже ящики и корзины, бывшие до сих пор отвратительно скучным товаром, малопомалу превращались в груз и по мере приближения к морю стали, как это и подобало грузу, слегка поскрипывать.

– Средний ход!

---

⁴⁷ *Фарватер* – часть водного пространства, годная для судоходства при любых условиях.

⁴⁸ *Дубок* – маленькая лодка.

⁴⁹ *Канонерка* (канонерская лодка) – небольшое военное судно с несколькими орудиями.

Кордон был уже за кормой, поворачивался, уходил вдаль. Чистая темно-зеленая глубокая вода окружала пароход. Едва он вошел в нее, как его сразу подхватила качка, обдало водяной пылью крепкого ветра.

– Полный ход!

Мрачные клубы сажи обильно повалили из сипящих труб. Косая тень легла на кормовой тент.

Как видно, не так-то легко было старушке машине бороться с сильной волной открытого моря. Она задышала тяжелей.

Мерно заскрипела дряблая обшивка. Якорь под бушпритом⁵⁰ кланялся волне.

Ветер уже успел сорвать чью-то соломенную шляпу, и она уплывала за кормой, качаясь на широкой полосе пены.

Четыре слепых еврея в синих очках гуськом поднимались по трапу, придерживая котелки. Усевшись на скамейке верхней палубы, они порывисто ударили в смычки.

Раздирающие фальшивые звуки марша «На сопках Маньчжурии» тотчас смешались с тяжелыми вздохами старой машины.

С развевающимися фалдами фрака пробежал вверх по тому же трапу один из двух пароходных официантов в сравнительно белых нитяных перчатках. С ловкостью фокусника он размахивал крошечным подносиком с дымящейся бутылкой «лимоиана-газёс»⁵¹.

Так началось море.

Петя уже успел облазить весь пароход. Он выяснил, что подходящих детей нет и завести приятное знакомство почти не с кем.

Сначала, правда, была некоторая надежда на тех двух девочек, перед которыми Петя так неудачно показал свои морские познания.

Но эта надежда не оправдалась.

Прежде всего, девочки ехали в первом классе и сразу же дали понять, заговорив с гувернанткой по-французски, что мальчик из второго класса не их поля ягода.

Затем одну из них сейчас же, как вышли в море, укачало, и она – Петя видел это в незапертую дверь – лежала на бархатном диване в недоступно роскошной каюте первого класса и сосала лимон, что было глубоко противно.

И наконец, оставшаяся на палубе девочка, несмотря на свою несомненную красоту и элегантность (на ней было короткое пальтишко с золотыми пуговицами с якорями и матросская шапочка с красным французским помпоном), оказалась неслыханной капризой и плаксой. Она бесконечно препиралась со своим папой, высоким, крайне флегматичным господином в бакенбардах и крылатке. Он был как две капли воды похож на лорда Гленарвана из книги «Дети капитана Гранта»⁵².

Между отцом и дочерью все время происходил следующий диалог:

– Папа, мне хочется пить.

– Хочется, перехочется, перетерпится, – флегматично отвечал лорд Гленарван, не отрываясь от морского бинокля.

Девочка капризно топала ногой и в повышенном тоне повторила:

– Мне хочется пить!

– Хочется, перехочется, перетерпится, – еще более невозмутимо говорил отец.

Девочка с упрямой яростью твердила:

– Папа, мне хочется пить! Папа, мне хочется пить! Папа, мне хочется пить!

---

⁵⁰ *Бушприт* – брус, выступающий вперед с носа корабля.

⁵¹ «*Лимоиана-газёс*» – газированный, шипучий лимонад (*устар.*).

⁵² «*Дети капитана Гранта*» – роман французского географа и писателя Жюль Верна (1828–1905).

Слюни кипели на ее злых губах. Она нудно тянула голосом, способным у кого угодно вымотать душу:

– Па-а-апа-а-а, мне-е-е хочетца-а-а пи-и-ить!..

На что лорд Гленарван еще равнодушнее говорил, не торопясь и не повышая голоса:

– Хочется, перехочется, перетерпится.

Это был страшный поединок двух упрямцев, начавшийся еще чуть ли не в Аккермане.

Разумеется, ни о каком знакомстве нечего было и думать.

Тогда Петя нашел очень интересное занятие: он стал ходить по пятам за одним пассажиром. Куда пассажир – туда и Петя.

Это было очень интересно, тем более что пассажир уже давно обратил на себя внимание мальчика некоторой странностью своего поведения.

Может быть, другие пассажиры ничего не заметили. Но Пете бросилась в глаза одна вещь, сильно поразившая его.

Дело в том, что пассажир ехал без билета. А между тем старший помощник отлично это знал. Однако он почему-то не только ничего не говорил странному пассажиру, но даже как бы молчаливо разрешал ему ходить куда угодно, даже в каюту первого класса.

Петя ясно видел, что произошло, когда старший помощник подошел к странному пассажиру со своей проволочной кассой.

– Ваш билет, – сказал старший помощник.

Пассажир что-то шепнул ему на ухо. Старший помощник кивнул головой и сказал:

– Пожалуйста.

После этого никто уже больше не тревожил странного пассажира. А он стал прогуливаться по всему пароходу, заглядывая всюду: в каюты, в машинное отделение, в буфет, в уборную, в трюм.

Кто же он был?

Помещик? Нет. Помещики так не одевались и не так себя вели.

У бессарабского помещика обязательно был парусиновый пылевик и белый дорожный картуз с козырьком, захватанным пальцами. Затем кукурузные степные усы и небольшая плетеная корзиночка с висячим замком. В ней обязательно находились ящичек копченой скумбрии, помидоры, брынза и две-три кварты белого молодого вина в зеленом штофике.

Помещики ехали ради экономии во втором классе, держались все вместе, из каюты не выходили и все время закусывали или играли в карты.

Петя не видел в их компании странного пассажира.

На нем, правда, был летний картуз, но зато не было ни пылевика, ни корзиночки.

Нет, конечно, это был не помещик.

Может быть, он какой-нибудь чиновник с почты или учитель?

Вряд ли.

Хотя у него и была под пиджаком чесучовая рубашка с отложным воротником и вместо галстука висел шнурок с помпончиками, но зато никак не подходили закрученные вверх черные, как вакса, усы и выскобленный подбородок.

И уже совсем не подходило ни к какой категории пассажиров небывалой величины дымчатое пенсне на мясистом, вульгарном носу с ноздрями, набитыми волосом.

И потом эти брюки в мелкую полоску и скороходовские сандалии⁵³, надетые на толстые белые, какие-то казенные карпетки⁵⁴.

Нет, тут положительно что-то было неладно.

---

⁵³ *Скороходовские сандалии* – то есть сандалии, произведенные на фабрике «Скороход», основанной в Санкт-Петербурге в 1882 г. и в 1910 г. получившей это название.

⁵⁴ *Карпетки* – короткие чулки, носки.

Засунув руки в карманы – что, надо сказать, было ему строжайше запрещено, – Петя с самым независимым видом расхаживал за странным пассажиром по всему пароходу.

Сперва странный пассажир постоял в узком проходе возле машинного отделения, рядом с кухней.

Из кухни разило горьким чадом кухмистерской, а из открытых отдушин машинного отделения дуло горячим ветром, насыщенным запахом перегретого пара, железа, кипятка и масла.

Стеклянная рама люка была приподнята. Можно было сверху заглянуть в машинное отделение, что Петя с наслаждением и проделал.

Он знал эту машину как свои пять пальцев. Но каждый раз она вызывала восхищение. Мальчик готов был смотреть на ее работу часами.

Хотя всем было известно, что машина устаревшая, никуда не годная и так далее, но, даже и такая, она поражала своей невероятной, сокрушительной силой.

Стальные шатуны⁵⁵, облитые тугим зеленым маслом, носились туда и обратно с легкостью, изумительной при их стопудовом весе.

Жарко шаркали поршни⁵⁶. Порхали литые кривошипы⁵⁷. Медные диски эксцентрик⁵⁸ быстро и нервно терлись друг о друга, оказывая таинственное влияние на почти незаметную, кропотливую деятельность скромных, но очень важных золотников⁵⁹.

И надо всем этим головокружительным хаосом царил непомерно громадный маховик⁶⁰, крутившийся на первый взгляд медленно, а если присмотреться, то с чудовищной быстротой, поднимая ровный горячий ветер.

Жутко было смотреть, как машинист ходил среди всех этих неумолимо движущихся суставов, и, нагибаясь, прикладывал к ним длинный хоботок своей масленки.

Но самое поразительное во всем машинном отделении была единственная на весь пароход электрическая лампочка.

Она висела под жестяной тарелкой, в грубом проволочном намордничке. (Как она была не похожа на теперешние ослепительно яркие полуваттные электрические лампы!)

В ее почерневшей склянке слабо светила слабо докрасна раскаленная проволочная петелька, хрупко дрожащая от сотрясений парохода.

Но она казалась чудом. Она была связана с волшебным словом «Эдисон»⁶¹, давно уже в понятии мальчика потерявшим значение фамилии и приобретшим таинственное значение явления природы, как, например, «магнетизм» или «электричество».

Затем странный человек не торопясь обошел нижние палубы. Мальчику показалось, что незнакомец незаметно, но крайне внимательно осматривает пассажиров, примостившихся на своих узлах и корзинах вокруг мачты, у бортов, среди груза.

Петя готов был держать пари – между прочим, пари тоже категорически запрещалось, – что этот человек тайно кого-то разыскивает.

Незнакомец довольно бесцеремонно переступал через спящих молдаван. Он протискивался сквозь группы евреев, обедающих маслинами. Он украдкой приподнимал края брезента, покрывавшего ящики помидоров.

---

⁵⁵ *Шатуны* – деталь, соединяющая поршень с валом двигателя.

⁵⁶ *Поршень* – удлиненная или дискообразная подвижная деталь, плотно двигающаяся в цилиндре и нагнетающая или выкачивающая жидкость, пар, газ.

⁵⁷ *Кривошип* – рычаг, служащий для приведения вала машины во вращательное движение.

⁵⁸ *Эксцентрик* – прибор в паровых машинах, передвигающий золотники.

⁵⁹ *Золотник* – особого рода механизм для распределения пара в паровой машине.

⁶⁰ *Маховик* – маховое колесо, колесо с массивным ободом, установленное на валу машины для обеспечения равномерности его вращения.

⁶¹ *Эдисон* Томас Алва (1847–1931) – американский изобретатель в области электротехники, телефонии, телеграфии, записи и воспроизведения звука.

Какой-то человек спал на досках палубы, прикрыв щеку картузиком и уткнувшись головой в ту веревочную подушку, которую обычно спускают с борта, чтобы смягчить удар парохода о пристань.

Он лежал, раскинув во сне руки и совсем по-детски поджав ноги.

Вдруг мальчик нечаянно посмотрел на эти ноги в задравшихся штанах и остолбенел: на них были хорошо знакомые флотские сапоги с рыжими голенищами.

Не было сомнения, что именно эти самые сапоги Петя видел сегодня под скамейкой дилижанса.

Но даже если это и было простым совпадением, то уж, во всяком случае, не могло быть совпадением другое обстоятельство: на руке у спящего, как раз на том самом мясистом треугольнике под большим и указательным пальцами, Петя явственно разглядел маленький голубой якорь.

Мальчик чуть не вскрикнул от неожиданности. Но сдержался: он заметил, что усатый пассажир тоже обратил внимание на спящего.

Усатый прошел несколько раз мимо, стараясь заглянуть в лицо, прикрытое картузиком. Однако это ему никак не удавалось. Тогда он, проходя мимо, как бы нечаянно наступил спящему на руку:

– Виноват.

Спящий вздрогнул. Он сел, испуганно озираясь ничего не понимающими, заспанными глазами.

– А? Что такое? Куда? – бессмысленно бормотал он и тер кулаком щеку, на которой отпечатался коралловый рубец каната.

Это был он, тот самый матрос!

Петя спрятался за выступ трюма и затаив дыхание стал наблюдать, что будет дальше.

Однако ничего особенного не произошло. Еще раз извинившись, Усатый отправился дальше, а матрос перевернулся на другой бок, но уже не спал, а смотрел по сторонам с тревогой и, как показалось Пете, с какой-то нетерпеливой досадой.

Что делать? Бежать к папе? Рассказать все старшему помощнику?

Нет, нет!

Петя хорошо запомнил поведение отца в дилижансе. Очевидно, во всем этом происшествии было нечто такое, о чем никому не надо говорить, никого не надо спрашивать, а молчать, делая вид, что ничего не знаешь.

Тогда мальчик решил отыскать Усатого и посмотреть, что он делает. Он нашел его на почти пустой палубе первого класса. Тот стоял, прислонившись к спасательной лодке, туго обтянутой зашнурованным брезентом.

Под рубкой шумело невидимое колесо, взбивая почти черную воду, покрытую крупным кружевом пены. Шум стоял, как на мельнице. Уже довольно длинная тень парохода быстро скользила по ярким волнам, которые чем дальше от парохода, тем становились синее.

За кормой развевался просвеченный солнцем бело-сине-красный торговый флаг. За пароходом, все расширяясь и тая, далеко тянулась широкая, как бы масленичная, санныя, хорошо разметанная дорога.

Слева уже шел высокий глинистый берег Новороссии⁶².

А Усатый держал в руке и украдкой рассматривал какую-то вещь.

Петя незаметно подошел сзади, стал на цыпочки и увидел ее. Это была небольшая, так называемого визитного формата, фотографическая карточка матроса в полной форме, в лихо заломленной бескозырке с надписью на ленте: «*Князь Потёмкин-Таврический*».

Матрос был не кто иной, как тот самый, с якорем на руке.

И тут же в силу какого-то непонятого течения мыслей Петя вдруг совершенно ясно понял, что именно было странного в наружности Усатого: Усатый, так же как и тот, с якорем, тоже был переодет.

---

⁶² *Новороссия* – историческая область на юге России и Украины, по побережью Черного моря, начинавшаяся около Одессы.

VIII. «Человек за бортом!»

Ветер дул свежий, попутный. Чтобы помочь машине и наверстать время, потерянное при затянувшейся погрузке, капитан приказал поставить парус.

Никакой праздник, никакие подарки не привели бы Петю в такой восторг, как эта безделица.

Впрочем, хороша безделица!

Сразу на одном пароходе, в одно и то же время и машина и парус. И пакетбот и фрегат одновременно!

Я думаю, что и вы бы, товарищи, пришли в восторг, если бы вам вдруг выпало счастье прокатиться по морю на настоящем пароходе, да, кроме того, еще и под парусом.

Даже и в те времена парус ставили только на самых старых пароходах, и то чрезвычайно редко. Теперь же этого и вовсе никогда не случается. Так что легко себе представить, как переживал это событие Петя.

Разумеется, мальчик сразу забыл и про Усатого и про беглого. Он, как очарованный, стоял на носу, не сводя глаз с босого матроса, который довольно лениво возился возле люка, вытаскивая аккуратно сложенный парус.

Петя превосходно знал, что это кливер⁶³. Все же он подошел к старшему помощнику, помогавшему – за неимением других матросов – ставить парус.

– Послушайте, скажите, пожалуйста, это кливер?

– Кливер, – довольно неприветливо ответил старший помощник.

Но Петя на него ничуть не обиделся. Он прекрасно понимал, что настоящий морской волк обязательно должен быть несколько груб. Иначе что ж это за моряк?

Петя со сдержанной улыбкой превосходства посмотрел на пассажиров и снова несколько небрежно, как равный к равному, обратился к старшему помощнику:

– А скажите, пожалуйста, какие еще бывают паруса? Кажется, грот и фок?

– Мальчик, не путайся под ногами, – проговорил помощник с таким видом, как будто у него вдруг начал болеть зуб. – Иди отсюда с богом в каюту к мамаше.

– У меня мама умерла, – с грустной гордостью ответил Петя грубияну. – Мы едем с папой. Но старший помощник ничего на это не сказал, и разговор прекратился.

Наконец поставили кливер.

Пароходик побежал еще быстрее.

Уже чувствовалось приближение к Одессе. Впереди виднелась белая коса Сухого лимана. Низкая его вода была до того густой, синей, что даже отсвечивала красным.

Затем показались шиферные крыши немецкой колонии Люстдорф⁶⁴ и высокая грубая кирка⁶⁵ с флюгером на шпиле.

А уж дальше пошли дачи, сады, огороды, купальни, башни, маяки...

Сначала знаменитая башня Ковалевского, о которой даже существовала легенда.

Некий богач, господин Ковалевский, решил на свой риск и страх построить для города водопровод. Это принесло бы ему несметные барыши. Шутка сказать! За каждый глоток воды люди должны были платить господину Ковалевскому столько, сколько он пожелает. Дело в том, что в земле господина Ковалевского имелся источник пресной воды, единственный в окрестностях Одессы. Однако вода была очень глубоко. Чтобы ее добыть, следовало построить гро-

---

⁶³ *Кливер* – треугольный косою парус в передней части судна.

⁶⁴ *Колония Люстдорф* – приморский климатический курорт в Одессе, бывшая немецкая колония.

⁶⁵ *Кирка* (кирха) – лютеранская церковь.

маднейшую водокачку. Такое предприятие трудно поднять одному. Но господин Ковалевский ни с кем не захотел делить будущие барыши. Он начал строить башню один.

Постройка оказалась гораздо дороже, чем он предполагал по смете. Родственники умоляли его отказаться от безумной затеи, но он уже вложил в это предприятие слишком много денег, отступать было поздно. Он продолжал постройку. Он вывел башню на три четверти, и у него не стало средств. Тогда он заложил все свои дома и земли, и ему удалось достроить башню. Это было громадное сооружение, похожее на чудовищно увеличенную шахматную туру. Одеситы приходили по воскресеньям целыми семьями посмотреть на диковину.

Но одной башни, разумеется, было мало. Надо было выписывать из-за границы машины, бурить почву, прокладывать трубы. Господин Ковалевский в отчаянии бросился за деньгами к одесским негодьям⁶⁶ и банкирам. Он предлагал им баснословные проценты. Он обещал небывалые барыши. Он умолял, унижался, плакал. Богачи, которые не могли ему простить, что он раньше не захотел взять их в компанию, теперь были непреклонны. Никто не дал ему ни копейки. Он был совершенно разорен, уничтожен, раздавлен. Водопровод сделался его навязчивой идеей. По целым дням он ходил как безумный вокруг башни, проглотившей все его состояние, и ломал голову – где бы достать денег. Он медленно сходил с ума. Наконец однажды он взобрался на самую верхушку проклятой башни и бросился вниз.

Это случилось лет пятьдесят назад, но до сих пор почерневшая от времени башня стояла над морем, недалеко от богатого торгового города, мрачным предостережением, страшным памятником ненасытной человеческой алчности.

Затем показался новый белый маяк, а за ним старый – бездействующий. Оба они, выпукло освещенные розовым солнцем, садившимся в золотую пыль дачных акаций, так отчетливо, так близко – а главное, так знакомо – стояли над обрывами, что Петя готов был изо всех сил дуть в кливер, лишь бы скорее доехать.

Тут уже каждый кусочек берега был ему известен до малейших подробностей.

Большой Фонтан, Средний Фонтан, Малый Фонтан⁶⁷, высокие обрывистые берега, поросшие дерезой, шиповником, сиренью, боярышником.

В воде под берегом – скалы, до половины зеленые от тины, и на этих скалах – рыболовы с бамбуковыми удочками и купальщики.

А вот и «Аркадия», ресторан на сваях, раковина для оркестра – издали маленькая, не больше суфлерской будки, – разноцветные зонтики, скатерти, по которым бежит свежий ветер.

Все эти подробности возникали перед глазами мальчика, одна другой свежее, одна другой интереснее. Но они не были забыты. Нет! Их ни за что нельзя было забыть, как нельзя было забыть свое имя. Они лишь как-то ускользнули на время из памяти. Теперь они вдруг бежали назад, как домой после самовольной отлучки. Они бежали одна за другой. Их становилось все больше и больше. Они обгоняли друг дружку.

Казалось, они наперерыв кричали мальчику:

«Здравствуй, Петя! Наконец-то ты приехал! А мы все без тебя так соскучились! Неужели ты нас не узнаешь? Посмотри хорошенько: это же я, твоя любимая дача Маразли⁶⁸. Ты так любил ходить по моим великолепно выстриженным изумрудным газонам, хотя это строжайше воспрещалось! Ты так любил рассматривать мои мраморные статуи, по которым ползали крупные улитки с четырьмя рожками, так называемые Лаврики-Павлики, оставляя за собой слюдяную дорожку! Посмотри, как я выросла за лето! Посмотри, какими густыми стали мои

---

⁶⁶ *Негодья* – крупный купец.

⁶⁷ *Большой, Средний и Малый Фонтаны* – предместья Одессы, расположенные вдоль морского побережья.

⁶⁸ *Дача Маразли* – парк с оранжереей на территории дачи градоначальника Одессы (1878–1894) Г. Г. Маразли, на Французском бульваре.

каштаны! Какие пышные георгины и пионы цветут на моих клумбах! Какие роскошнейшие августовские бабочки садятся в черной тени моих аллей!»

«А это я: „Отрада“⁶⁹! Не может быть, чтоб ты забыл мои купальни, и мой тир, и мой кегельбан! Посмотри же: пока ты пропадад, тут успели поставить замечательную карусель с лодочками и лошадами. Тут же неподалеку живет твой друг и товарищ Гаврик. Он ждет не дождется, когда ты приедешь. Скорее же, скорей!»

«А вот и я! Здравствуй, Петька! Не узнал Ланжерона⁷⁰? Смотри, сколько плоскодонных шаланд лежит на моем берегу, сколько рыбачьих сетей сушится на веслах, составленных в козлы! Ведь это именно в моем песке ты нашел в прошлом году две копейки и потом выпил – хоть в тебя уже и не лезло – четыре кружки кислого хлебного квасу, бывшего в нос и щипавшего язык. Неужели ты не узнаешь эту будку квасника? Да вот же она, вот, стоит как ни в чем не бывало на обрыве в разросшемся за лето бурьяне! Тут даже и бинокля не надо».

«А вот и я! И я! Здравствуй, Петя! Ох, что тут без тебя в Одессе было! Здравствуй, здравствуй!»

Чем ближе к городу, тем ветер становился тише и теплей. Солнца уже совсем не было видно; только еще верхушка мачты с крошечным красным колпачком флюгера светилась в совершенно чистом розовом небе.

Кливер убрали.

Стук паровой машины звучно отдавался в скалах и обрывах берега. Вверх по мачте полз бледно-желтый топовый огонь⁷¹.

Все мысли Пети были тут, на берегу, в Одессе.

Он ни за что не поверил бы, если бы ему сказали, что совсем-совсем недавно, лишь сегодня утром, он чуть не плакал, прощаясь с экономией.

Какая экономия? Что за экономия? Он уже забыл о ней. Она уже не существовала для него... до будущего лета.

Скорее, скорее в каюту, торопить папу, собирать вещи!

Петя повернулся, чтобы бежать, и вдруг похолодел от ужаса... Тот самый матрос с якорем на руке сидел на ступеньке носового трапа, а Усатый шел прямо на него, без пенсне, руки в карманах, отчетливо скрипя «скороходами».

Он подошел к нему вплотную, наклонился и спросил не громко, но и не тихо:

– Жуков?

– Чего – Жуков? – тихо, как бы через силу произнес матрос, заметно побледнел и встал на ступеньки.

– Сядь. Тихо. Сядь, я тебе говорю.

Матрос продолжал стоять. Слабая улыбка дрожала на его посеревших губах.

Усатый нахмурился:

– С «Потёмкина»? Здравствуй, милый. Ты бы хоть сапожки, что ли, переменил. А мы вас ждали, ждали, ждали... Ну, что скажешь, Родион Жуков? Приехали?

И с этими словами Усатый крепко взял матроса за рукав.

Лицо матроса исказилось.

– Не трожь! – закричал он страшным голосом, рванулся и изо всех сил толкнул Усатого кулаком в грудь. – Не тр-рожь больного человека, мор-рда!

Рукав затрещал.

– Стой!

Но было поздно.

---

⁶⁹ «Отрада» – приморская часть Одессы с популярными пляжами.

⁷⁰ Ланжерон – приморская часть Одессы в районе бывшей дачи новороссийского генерал-губернатора А. Ф. Ланжерона.

⁷¹ Топовый огонь – белый сигнальный огонь, расположенный на топе – верхнем конце мачты.

Матрос вырвался и бежал по палубе, увертываясь и виляя между корзинами, ящиками, людьми. За ним бежал Усатый.

Глядя со стороны, можно было подумать, что эти двое взрослых людей играют в салки.

Они, один за другим, нырнули в проход машинного отделения. Затем вынырнули с другой стороны. Пробежали вверх по трапу, дробно стуча подошвами и срываясь со скользких медных ступенек.

– Стой, держи! – кричал Усатый, тяжело сопя.

В руках у матроса появилась оторванная откуда-то на бегу рейка.

– Держи, держи-и-и!

Пассажиры со страхом и любопытством сбились на палубе. Кто-то пронзительно засвистел в полицейский свисток.

Матрос со всего маху перепрыгнул через высокую крышку люка. Он увернулся от Усатого, обежавшего сбоку, вильнул, перепрыгнул через люк обратно и вскочил на скамейку. Со скамейки – на перила борта, схватился за флагшток кормового флага, изо всей силы шараянул Усатого рейкой по морде и прыгнул в море.

Над кормой взлетели брызги.

– Ах!

Пассажиры все, сколько их ни было, качнулись назад, будто на них спереди дунуло.

Усатый метался возле борта, держась руками за лицо, и хрипло кричал:

– Держите, уйдет! Держите, уйдет!

Старший помощник шагал вверх по трапу через три ступеньки со спасательным кругом.

– Человек за бортом!

Пассажиры качнулись вперед, к борту, будто на них дунуло сзади.

Петя протиснулся к борту.

Уже довольно далеко от парохода, среди взбитого белка пены, на волне качалась, как поплавок, голова плывущего человека.

Но только он плыл не к пароходу, а от парохода, изо всех сил работая руками и ногами. Через каждые три-четыре взмаха он поворачивал назад злое, напряженное лицо.

Старший помощник заметил, что человек за бортом, видать, не имеет ни малейшего желания быть «спасенным». Наоборот, он явно старается уйти как можно дальше от спасателей. Кроме того, он превосходно плавает, а до берега сравнительно недалеко.

Так что все в порядке. Нет никаких оснований волноваться.

Напрасно Усатый хватал старшего помощника за рукав, делал зверские глаза, требовал остановить пароход и спустить шлюпку.

– Это политический преступник. Вы будете отвечать!

Помощник флегматично пожал плечами:

– Не мое дело. Не имею приказанья. Обратитесь к капитану.

Капитан же только махнул рукой: и так опаздываем. Куда там, батюшка! Очень нужно. Вот через полчаса пришьвартуемся, тогда и ловите своего политического. А у нас пароходство коммерческое и частное. Оно политикой не занимается, и на этот счет нет никаких инструкций.

Тогда Усатый, ругаясь сквозь зубы, с ободранной мордой, стал пробираться сквозь толпу приготовившихся к высадке пассажиров третьего класса к тому месту, куда должны были подать сходни. Он грубо расталкивал испуганных людей, наступал на ноги, пихал корзины и наконец очутился у самого борта, с тем чтобы первому выскочить на пристань, как только причалят.

Между тем голова матроса уже еле-еле виднелась в волне среди флажков, качавшихся над рыбачьими сетями и перемётами⁷².

---

⁷² *Перемёт* – рыболовная снасть с ячеями и крючками, которую натягивают на колья.

IX. В Одессе ночью

Берег быстро темнел, становился голубым, синим, лиловым. На суше уже наступил вечер. В море было еще светло. Глянцевая зыбь отражала чистое небо. Но все же вечер чувствовался и тут.

Выпуклые стекла незаметно зажженных сигнальных фонарей на крыльях парохода – настолько темные и толстые, что днем невозможно было отгадать, какого они цвета, – теперь стали просвечивать зеленым и красным и хотя еще не освещали, но уже явственно светились.

Синий город, с куполообразной крышей городского театра и колоннадой Воронцовского дворца, возник как-то сразу и заслонил полгоризонта.

Водянистые звезды портовых фонарей жидко отражались в светлом и совершенно неподвижном озере гавани. Туда и заворачивал «Тургенев», очень близко огибая толстую башню, в сущности, не очень большого маяка с колоколом и лестницей.

В последний раз в машинном отделении задилинькал капитанский звонок.

– Малый ход!

– Самый малый!

Быстро и почти бесшумно скользил узкий парходик мимо трехэтажных носов океанских пароходов Добровольного флота⁷³, выставленных в ряд с внутренней стороны брекватера⁷⁴. Чтобы полюбоваться их чудовищными якорями, Пете пришлось задрать голову.

Вот это пароходы!

– Стоп!

В полной тишине с разгону, не уменьшая хода, неся «Тургенев» наискось через гавань – вот-вот врежется в пристань.

Две длинные морщины тянулись от его острого носа, делая воду полосатой, как скумбрия. По борту слабо журчала вода.

От надвигавшегося города веяло жаром, как из печки.

И вдруг Петя увидел торчащие из зеркальной воды трубу и две мачты. Они проплыли совсем близко от борта, черные, страшные, мертвые...

Пассажиры, столпившиеся у борта, ахнули.

– Потопили пароход, – сказал кто-то тихо.

«Кто же потопил?» – хотел спросить мальчик, чувствуя ужас. Но тут же увидел еще более жуткое: железный скелет сгоревшего парохода, прислоненный к обуглившемуся причалу.

– Сожгли, – еще тише сказал тот же голос.

Тут навалилась пристань.

– Задний ход!

Замолкшие было колеса шумно забили, закрутились в обратную сторону. Воронки побегали по воде.

Пристань стала удаляться, как-то так переходить на ту сторону, потом опять – очень медленно – приблизилась, но уже с другого борта.

Над головами пассажиров пролетел, разматываясь на лету, свернутый канат.

Петя почувствовал легкий толчок, смягченный веревочной подушкой. С пристани подали сходни. Первым по ним сбежал Усатый и тотчас пропал, смешавшись с толпой.

Вскоре, дождавшись своей очереди, и наши путешественники медленно сошли на мостовую пристани.

---

⁷³ *Добровольный флот* – российское морское судоходное общество, основанное в 1878 г. на добровольные пожертвования с целью развития отечественного торгового мореплавания и создания резерва военного флота.

⁷⁴ *Брекватер* – волнорез, насыпь, каменная преграда для удержания напора волн.

Мальчика удивило, что у сходней стояли городской и несколько человек штатских. Они самым внимательным образом осматривали каждого сходявшего с парохода. Осмотрели они также и папу. При этом господин Бачей машинально стал застегиваться, выставив вперед дрожашую бородку. Он крепко стиснул ручку Павлика, и лицо его приняло точно такое же неприятное выражение, как утром в дилижансе, когда он разговаривал с солдатом.

Они наняли извозчика – Павлика посадили на переднюю откидную скамеечку, а Петя, совершенно как взрослый, поместился рядом с папой на главном сиденье – и поехали.

При выезде из агентства у ворот стоял часовой в подсумках, с винтовкой. Этого раньше никогда не было.

– Папа, почему стоит часовой? – шепотом спросил мальчик.

– Ах, боже мой! – раздраженно сказал отец, дергая шейю. – Отчего да почему! А я почему знаю? Стоит и стоит. А ты сиди.

Петя понял, что расспрашивать не надо, но также не надо и сердиться на раздражительность папы.

Но когда на железнодорожном переезде мальчик вдруг увидел сожженную дотла эстакаду, горы обугленных шпал, петли рельсов, повисших в воздухе, колеса опрокинутых вагонов, весь этот неподвижный хаос, он закричал, захлебываясь:

– Ой, что это?! Посмотрите! Послушайте, извозчик, что это?

– Пожгли, – сказал извозчик таинственно и закачал головой в твердой касторовой⁷⁵ шляпе, не то осуждая, не то одобряя.

Проехали мимо знаменитой одесской лестницы.

Вверху ее треугольника, в пролете между силуэтами двух полукруглых симметричных дворцов, на светлом фоне ночного неба стояла маленькая фигурка дюка де Ришельё⁷⁶ с античной рукой, простертой к морю.

Сверкали трехрукие фонари бульвара. С эспланады⁷⁷ открытого ресторана слышалась музыка. Над каштанами и гравием бульвара бледно дрожала первая звезда.

Петя знал, что именно там, наверху, за Николаевским бульваром, сияло и шумело то в высшей степени заманчивое, недоступное, призрачное, о чем говорилось в семействе Бачей с оттенком презрительного уважения: «в центре».

В центре жили «богатые», то есть те особые люди, которые ездили в первом классе, каждый день могли ходить в театр, обедали почему-то в семь часов вечера, держали вместо кухарки повара, а вместо няньки – бонну и зачастую имели даже «собственный выезд», что уже превышало человеческое воображение.

Разумеется, Бачей жили далеко не в центре.

Дрожки, треща по мостовой, проехали низом, Карантинной улицей, и затем, свернув направо, стали подниматься в город.

Петя за лето отвык от города.

Мальчик был оглушен хлопаньем подков, высекавших на мостовой искры, дробным стуком колес, звонками конок, скрипом обуви и твердым постукиванием тросточек по тротуару, выложенному синими плитками лавы.

На экономии, среди сжатых полей, в широко открытой степи, уже давно свежо и грустно золотела осень. Здесь, в городе, все еще стояло густое, роскошное лето.

Томная ночная жара неподвижно висела в бездыханном воздухе улиц, заросших акациями.

---

⁷⁵ *Касторовый* – то есть из кастора, плотного сукна, употребляемого на верхнюю мужскую одежду.

⁷⁶ *...фигурка дюка де Ришельё...* – Имеется в виду памятник Ришельё (Арман Эммануэль дю Плесси, герцог (дюк) де Ришельё; 1766–1822), градоначальнику Одессы в 1803–1814 гг.

⁷⁷ *Эспланада* – открытое место, площадка перед каким-либо зданием.

В открытых дверях мелочных лавочек желтели неяркие языки керосиновых ламп, освещая банки с крашеными леденцами.

Прямо на тротуаре, под акациями, лежали горы арбузов: черно-зеленых глянцевых «туманов» с восковыми лысынами и длинных «монастырских», светлых, в продольную полосу.

Иногда на углу возникало сияющее видение фруктовой лавки. Там персы в нестерпимо ярком свете только что появившихся калильных ламп обмахивали шумящими султанами из папиросной бумаги прекрасные крымские фрукты: крупные лиловые сливы, покрытые бирюзовой пылью, и нежные коричневые, очень дорогие груши «бер Александр».

Сквозь железные решетки, увитые диким виноградом, в палисадниках виднелись клумбы, освещенные окнами особняков. Над роскошно разросшимися георгинами, бегониями, настурциями трепетали пухлые ночные бабочки-бражники.

С вокзала доносились свистки паровиков.

Проехали мимо знакомой аптеки.

За большим цельным окном с золотыми стеклянными буквами выпукло светились две хрустальные груши, полные яркой фиолетовой и зеленой жидкости, Петя был уверен – яда. Из этой аптеки носили для умирающей мамы страшные кислородные подушки. Ах, как ужасно они храпели возле маминых губ, черных от лекарств!

Павлик совсем спал. Отец взял его на руки. Головка ребенка болталась и подпрыгивала. Тяжеленькие голые ноги сползали с отцовских колен. Но пальчики крепко держали сумку с заветной копилкой.

Таким его и передали с рук на руки кухарке Дуне, ожидавшей господ на улице, когда извозчик наконец остановился у ворот с глухим треугольным фонариком, слабо светившимся вырезанной цифрой.

– С приездом! С приездом!

Все еще продолжая чувствовать под ногами валкую палубу, Петя вбежал в парадное.

Какая громадная пустынная лестница! Ярко и гулко. Сколько ламп! На стене каждого пролета – керосиновая лампа в чугунном кронштейне. И над каждой лампой сонно качается в световом круге крышечка.

Медные, ярко начищенные таблички на дверях. Кокосовые маты для ног. Детская коляска.

Все эти крепко забытые вещи вдруг возникли перед Петиними изумленными глазами во всей своей первобытной новизне.

К ним надо опять привыкать.

Вот где-то вверху звонко, на всю лестницу, щелкнул ключ, бухнула дверь, быстро заговорили голоса. Каждое восклицание как пистолетный выстрел.

Побежали легкие и бравурные звуки рояля, приглушенные стеной. Это музыка настойчивыми аккордами напоминала мальчику о своем существовании.

И наконец... Боже мой!.. Кто это?..

Из двери выбегает забытая, но ужасно знакомая дама в синем шелковом платье с кружевным воротничком и кружевными манжетами. У нее красные от слез, возбужденные, радостные глаза, натянувшиеся от смеха губы. Ее подбородок дрожит не то от смеха, не то от слёз.

– Павлик!

Она вырывает у кухарки из рук Павлика.

– Бож-же мой, какой стал тяжелый!

Павлик открывает совершенно черные со сна глаза, с безгранично равнодушным изумлением говорит:

– О? Тетя!

И засыпает опять.

Ну да, конечно, конечно же это тетя! Отлично знакомая, дорогая, родная, но только немножко забытая тетя. Как можно было не узнать?

– Петя? Мальчик! Какая громадина!

– Тетя, вы знаете, что с нами было? – сразу же начал Петя. – Тетя, вы ничего не знаете! Да тетя же! Вы слушайте, что только с нами было. Тетя, да вы же не слушаете! Тетя, вы же слушайте!

– Хорошо, хорошо, только не всё сразу. Иди в комнаты. А где же Василий Петрович?

– Здесь, здесь...

По лестнице поднимался отец:

– Ну, вот и мы. Здравствуйте, Татьяна Ивановна.

– С приездом, с приездом! Пожалуйте. Не укачало вас?

– Ничуть. Прекрасно доехали. Нет ли у вас мелочи? У извозчика нет с трех рублей сдачи.

– Сейчас, сейчас. Вы только не беспокойтесь... Петя, да не путайся же ты под ногами...

После расскажешь. Дуня, голубчик, сбегайте вниз – отнесите извозчику... Возьмите у меня на туалете...

Петя вошел в переднюю, показавшуюся ему просторной, сумрачной и до такой степени чужой, что даже тот черномазый большой мальчик в соломенной шляпе, который вдруг появился, откуда ни возьмись, в ореховой раме забытого, но знакомого зеркала, освещенного забытой, но знакомой лампой, не сразу был узнан.

А его-то, кажется, Петя мог узнать без труда, так как это именно и был он сам!

Х. Дома

Там, в экономии, была маленькая, чисто выбеленная комнатка с тремя парусиновыми кроватями, покрытыми летними марсельскими одеялами⁷⁸.

Железный рукомойник. Сосновый столик. Стул. Свеча в стеклянном колпаке. Зеленые решетчатые ставни-жалюзи. Крашенный пол, облезший от постоянного мытья.

Как сладко и прохладно было засыпать, наевшись простокваши с серым пшеничным хлебом, под свежий шум моря в этой пустой печальной комнате!

Здесь было совсем не то.

Это была большая квартира, оклеенная старыми бумажными шпалерами⁷⁹ и заставленная мебелью в чехлах.

В каждой комнате шпалеры были другие и мебель другая. Букеты и ромбы на шпалерах делали комнаты меньше. Мебель, называвшаяся здесь «обстановка», глушила шаги и голоса.

Из комнаты в комнату переносили лампы.

В гостиной стояли фикусы с жесткими вощеными листьями. Их новые побеги торчали острыми стручками, как бы завернутыми в сафьянные⁸⁰ чехольчики.

Свет переставляемых ламп переходил из зеркала в зеркало. На крышке пианино дрожала вазочка – это по улице проезжали дрожки. Треск колес соединял город с домом.

Пете ужасно хотелось, поскорее напившись чаю, выбежать хоть на минуточку во двор – узнать, как там и что, повидаться с мальчиками. Но было уже очень поздно – десятый час. Все мальчики, наверно, давно спят.

Хотелось поскорее рассказать тете или, на худой конец, Дуне про беглого матроса. Но все были заняты: стелили постели, взбивали подушки, вынимали из комода тяжелые скользкие простыни, переносили из комнаты в комнату лампы.

Петя ходил за тетей, наступая на шлейф, и канючил:

– Тетя, что же вы меня не слушаете? Послушайте!..

– Ты видишь, я занята.

– Тетя, ну что вам стоит!

– Завтра расскажешь.

– Ой какая вы в самом деле! Не даете рассказать. Ну тетя же!

– Не путайся под ногами. Расскажи Дуне.

Петя уныло плелся на кухню, где на окне в деревянном ящике рос зеленый лук.

Дуня торопливо гладила на доске, обшитой солдатским сукном, наволочку. Из-под утюга шел сытный пар.

– Дуня, послушайте, что с нами было... – жалобным голосом начинал Петя, глядя на Дунин голый жилистый локоть с натянутой глянцевиной кожей.

– Панич, отойдите, а то, не дай бог, обшмалю утюгом.

– Да вы только послушайте!

– Идите расскажите тете.

– Тетя не хочет. Я лучше вам расскажу. Ду-у-ня же!

– Идите барину расскажите.

– Ой, боже мой, какая вы глупая! Папа же знает.

– Завтра, панич, завтра...

– А я хочу сегодня...

---

⁷⁸ *Марсeльское одеяло* – правильно: марселевое одеяло – одеяло из тонкой плотной хлопчатобумажной ткани.

⁷⁹ *Шпалeры* – то же, что обои.

⁸⁰ *Сафьянные* – то есть из сафьяна, тонкой дорогой кожи.

– Отойдите из-под локтя. Мало вам комнат, что вы еще в кухню лазите?

– Я, Дунечка, расскажу и сейчас же уйду, честное благородное слово, святой истинный крест!

– От наказание с этим мальчиком! Приехал на мою голову.

Дуня с сердцем поставила утюг на конфорку. Схватила выглаженную наволочку и бросилась в комнаты так стремительно, что по кухне пролетел ветер.

Петя горестно потер кулаками глаза, и вдруг его одолела такая страшная зевота, что он с трудом дотащился до своей кровати и, не в состоянии разлепить глаза, начал, как слепой, стаскивать матроску.

Он едва дотянулся разгоревшейся щекой до подушки, как тотчас заснул таким крепким сном, что даже не почувствовал бороды отца, пришедшего, по обычаю, поцеловать его на сон грядущий.

Что касается Павлика, то с ним пришлось-таки повозиться. Он до того разоспался на извозчике, что папа и тетя вместе раздели его с большим трудом.

Но едва его уложили в постель, как мальчик открыл совершенно свежие глаза, с изумлением осмотрелся и сказал:

– Мы еще едем?

Тетя нежно поцеловала его в горячую пунцовую щечку:

– Нет, уже приехали. Спи, детка.

Но оказалось, что Павлик уже выспался и склонен был к разговорам:

– Тетя, это вы?

– Я, курочка. Спи.

Павлик долго лежал с широко открытыми, внимательными, темными, как маслины, глазами, прислушиваясь к незнакомым городским звукам квартиры.

– Тетя, что это шумит? – наконец спросил он испуганным шепотом.

– Где шумит?

– Там. Храпит.

– Это, деточка, вода в кране.

– Она сморкается?

– Сморкается, сморкается. Спи.

– А что это свистит?

– Это паровоз свистит.

– А где?

– Разве ты забыл? На вокзале. Тут у нас напротив вокзал. Спи.

– А почему музыка?

– Это наверху играют на рояле. Разве ты уже забыл, как играют на рояле?

Павлик долго молчал.

Можно было подумать, что он спит. Но глаза его – в зеленоватом свете ночника, стоявшего на комодке, – отчетливо блестели. Он с ужасом следил за длинными лучами, передвигающимися взад и вперед по потолку.

– Тетя, что это?

– Извозчики ездят с фонарями. Закрой глазки.

– А это что?

Громадная бабочка «мертвая голова» со зловещим зуденьем трепетала в углу потолка.

– Бабочка. Спи.

– А она кусается?

– Нет, не кусается. Спи.

– Я не хочу спать. Мне страшно.

– Чего ж тебе страшно? Не выдумывай. Такой большой мальчик! Ай-ай-ай!

Павлик глубоко и сладко с дрожью втянул в себя воздух. Схватил обеими горячими ручонками тетину руку и прошептал:

– Цыгана видели?

– Нет, не видела.

– Волка видели?

– Не видела. Спи.

– Трубочиста видели?

– Трубочиста не видела. Можешь спать совершенно спокойно.

Мальчик еще раз глубоко и сладко вздохнул, перевернулся на другую щечку, подложил под нее ладошки ковшиком и, закрывая глаза, пробормотал:

– Тетя, дайте ганьку.

– Здравствуйте! А я-то думала, что ты от ганьки давно отвык.

«Ганькой» назывался чистый, специальный носовой платок, который Павлик привык сосать в постели и без которого никак не мог уснуть.

– Га-аньку... – протянул мальчик, капризно кряхтя.

Однако тетя ганьку не дала. Большой мальчик. Пора отвыкать. Тогда Павлик, продолжая капризничать, потянул в рот угол подушки, облюбил его, вяло улыбнулся слипшимися, как вареники, глазами. Но вдруг он с ужасом вспомнил про копилку: а что, если ее украли воры?! Однако уже не было сил волноваться.

И мальчик мирно уснул.

XI. Гаврик

В этот же день другой мальчик, Гаврик, – тот самый, о котором мы вскользь упомянули, описывая одесские берега, – проснулся на рассвете от холода.

Он спал на берегу возле шаланды, положив под голову гладкий морской камень и укрыв лицо старым дедушкиным пиджаком. На ноги пиджака не хватило.

Ночь была теплая, но к утру стало свежо. Босые ноги озябли. Гаврик спросонья стянул пиджак с головы и укутал ноги. Тогда стала зябнуть голова.

Гаврик начал дрожать, но не сдавался. Хотел пересилить холод. Однако заснуть было уже невозможно.

Ничего не поделаешь, ну его к черту, надо вставать.

Гаврик кисло приоткрыл глаза. Он видел глянцево-лимонное море и сумрачную темно-вишневую зарю на совершенно чистом сероватом небе. День будет знойный. Но, пока не поднимется солнце, о тепле нечего и думать. Конечно, Гаврик свободно мог спать с дедушкой в хибарке. Там было тепло и мягко. Но какой же мальчик откажется от наслаждения лишней раз переночевать на берегу моря под открытым небом?

Редкая волна тихо, чуть слышно, шлепает в берег. Шлепнет и уходит назад, лениво волоча за собой гравий. Подождет-подождет – и снова тащит гравий обратно, и снова шлепнет.

Серебристо-черное небо сплошь осыпано августовскими звездами. Раздвоенный рукав Млечного Пути висит над головой видением небесной реки.

Небо отражается в море так полно, так роскошно, что, лежа на теплой гальке задрал голову, никак не поймешь, где верх, а где низ. Будто висишь среди звездной бездны.

По всем направлениям катятся, вспыхивая, падающие звезды.

В бурьяне тыркают сверчки. Где-то очень далеко на обрыве лают собаки.

Сначала можно подумать, что звезды неподвижны. Но нет. Присмотришься – и видно, что весь небесный свод медленно поворачивается. Одни звезды опускаются за дачи. Другие, новые, выходят из моря.

Теплый ветерок холодеет. Небо становится белее, прозрачнее. Море темнеет. Утренняя звезда отражается в темной воде, как маленькая луна.

По дачам сонно кричат третьи петухи. Светает.

Как же можно спать в такую ночь под крышей?

Гаврик встал, сладко растянул руки, закатал штаны и, зевая, вошел по щиколотку в воду. С ума он сошел, что ли? Ноги и так озябли до синевы, а тут еще лезть в море, один вид которого вызывает озноб!

Однако мальчик хорошо знал, что он делает. Вода только на вид казалась холодной. На самом деле она была очень теплой, гораздо теплее воздуха. Мальчик просто-напросто грел в ней ноги.

Затем он умылся и так громко высморкался в море, что несколько головастых мальков, безмятежно заснувших под берегом, брызнули во все стороны, вильнули и пропали в глубине.

Зевая и жмурясь на восходящее солнце, Гаврик насухо вытер рубашкой маленькое пестрое лицо с лилово-розовым носиком, облупленным, как молодая картофелька.

– Ох-ох-ох... – сказал он совершенно как взрослый, не торопясь перекрестил рот, где до сих пор еще не хватало двух передних зубов, подобрал пиджак и побрел вверх валкой, цепкой походочкой одесского рыбака.

Он продирался сквозь густые заросли сильно разросшегося бурьяна, осыпавшего мокрые ноги и штаны желтым порошком цветения.

Хибарка стояла шагах в тридцати от берега, на бугорке красной глины, мерцавшей кристалликами сланца.

Собственно, это был небольшой сарайчик, грубо сколоченный из всякого деревянного старья: обломков крашенных лодочных досок, ящичков, фанеры, матч.

Плоская крыша была покрыта глиной, и на ней росли бурьяны и помидоры.

Когда еще была жива бабушка, она обязательно два раза в год – на Пасху и на Спаса – белила мелом хибарку, чтобы хоть как-нибудь скрасить перед людьми ее нищенский вид. Но бабушка умерла, и вот уже года три, как хибарку никто не белил. Ее стены потемнели, облезли. Но все же кое-где остались слабые следы мела, вьвшегося в старое дерево. Они постоянно напоминали Гаврику о бабушке и ее жизни, менее прочной, чем даже мел.

Гаврик был круглый сирота. Отца своего он совсем не помнил. Мать помнил, но еле-еле: какое-то распаренное корыто, красные руки, киевское печатное кольцо на скользком разбухшем пальце и множество радужных мыльных пузырей, летающих вокруг ее железных гребенок.

Дедушка уже встал. Он ходил по крошечному огороду, заросшему бурьяном, заваленному мусором, где ярко теплилось несколько больших поздних цветков тыквы – оранжевых, мясистых, волосатых, со сладкой жидкостью на дне прозрачной чашечки.

Дедушка собирал помидоры в подол стираной-перестираной рубахи, потерявшей всякий цвет, но теперь нежно-розовой от восходящего солнца.

Между задранной рубахой и мешковатыми штанами виднелся худой коричневый живот с черной ямкой пупа.

Помидоров на огороде оставалось совсем мало. Поели почти всё. Дедушке удалось собрать штук восемь – маленьких, желтоватых. Больше не было.

Старик ходил опустив сивую голову. Поджав выскобленный по-солдатски подбородок, он пошевеливал босой ногой кусты бурьяна – не найдется ли там чего-нибудь? Но ничего больше не находилось.

Взрослый цыпленок с тряпчочкой на ноге бегал за дедушкой, изредка поклевывая землю, отчего вверху вздрагивали зонтички укропа.

Дедушка и внучек не поздоровались и не пожелали друг другу доброго утра. Но это вовсе не обозначало, что они в ссоре. Наоборот. Они были большие приятели.

Просто-напросто наступившее утро не обещало ничего, кроме тяжелого труда и забот. Не было никакого резона обманывать себя пустыми пожеланиями.

– Всё поели, ничего не осталось... – бормотал дед, как бы продолжая вчерашний разговор. – Что ты скажешь! Восемь помидоров – куда это годится? На смех курам.

– Поедем, что ли? – спросил Гаврик, посмотрев из-под руки на солнце.

– Надо ехать, – сказал дед, выходя из огорода.

Они вошли в хибарку и степенно напились из ведра, аккуратно прикрытого чистой дощечкой.

Старик крякнул, и Гаврик крякнул. Дедушка потуже подтянул ремешок штанов, и внучек сделал то же самое.

Затем дедушка достал с полочки кусок вчерашнего ситника и завязал его вместе с помидорами в ситцевый платок с черными капочками⁸¹. Кроме того, он взял под мышку плоский бочоночек с водой, вышел из хибарки и навесил на дверь замок.

Это была излишняя предосторожность. Во-первых, красть было нечего, а во-вторых, у кого бы хватило совести воровать у нищих?

Гаврик снял с крыши вёсла и взвалил их на маленькое, но крепкое плечо.

Сегодня дедушке и внучку предстояло много дела. Третьего дня бушевал шторм. Волна порвала перемёты. Рыба не шла. Улова не было никакого. Денег не осталось ни копейки.

Вчера море улеглось, и на ночь поставили перемёт.

---

⁸¹ *Капочка* – крапинка (укр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.